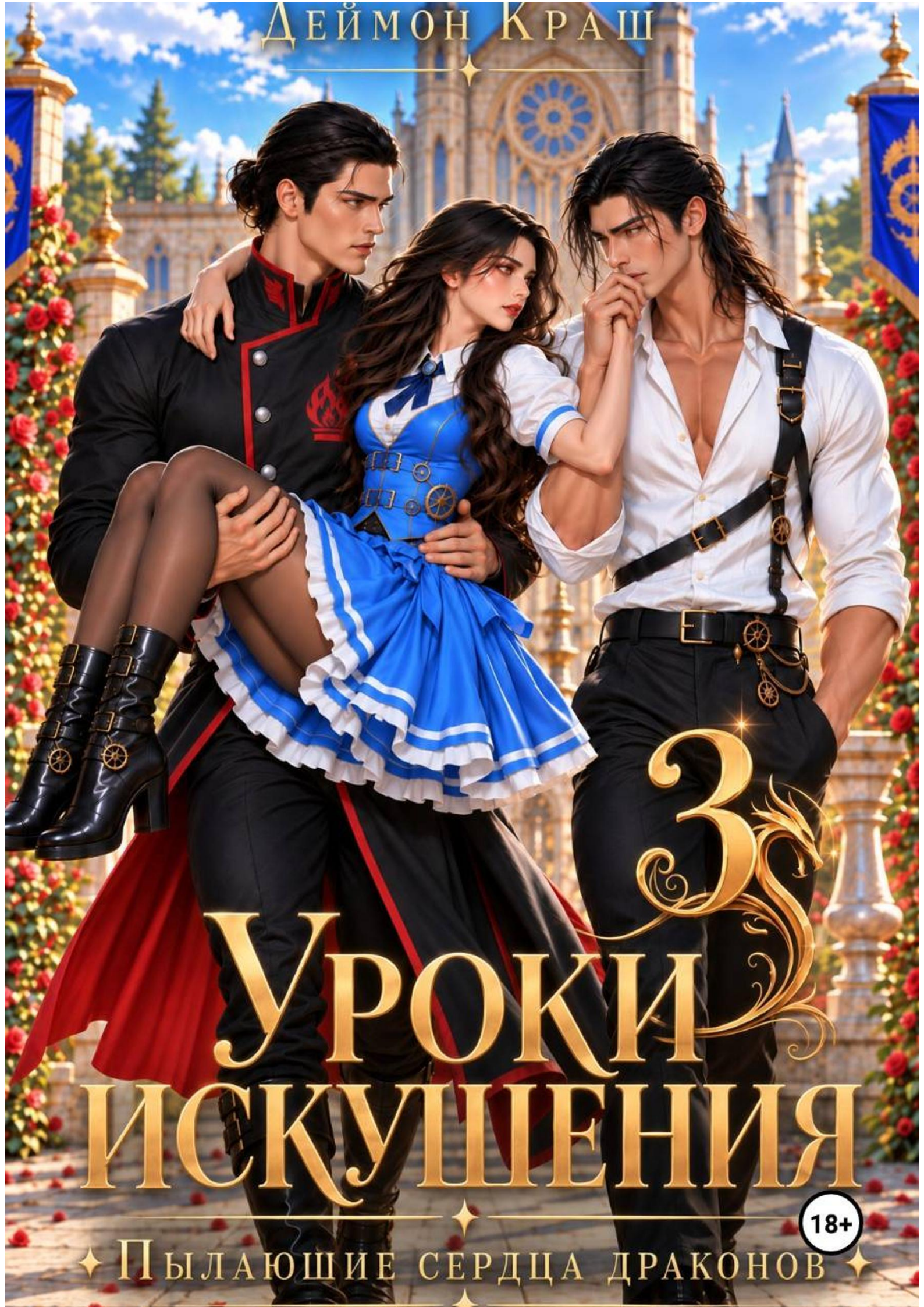


ДЕЙМОН КРАШ



3 УРОКИ ИСКУШЕНИЯ

◆ ПЫЛАЮЩИЕ СЕРДЦА ДРАКОНОВ ◆

18+

Деймон Краш

**Уроки искушения, или Пылающие
сердца драконов. Часть 3**

«Автор»

2026

Краш Д.

Уроки искушения, или Пылающие сердца драконов. Часть 3 /
Д. Краш — «Автор», 2026

Я ненавидела драконов. Они отняли у меня всё, а потом стали для меня большим, чем сама жизнь. Дрейк и Рик - не просто близнецы. Они - офицеры полиции драконов, которые проникли мне под кожу, оставив после себя метки истинности на моём плече. Но это невозможно! Такого просто не может быть! Ведь я - просто человек, хоть и обладаю даром... просто человек, которая соединила силу и жизнь братьев, пропустив их через себя. Я не могу существовать без них, но не могу быть с ними. Выбирать одного - всё равно что оторвать от себя часть тела. Но и позволить себе чуть большее, чем просто взгляд тоже не могу, ведь тогда один из них может погибнуть. Я снова оказалась между ними. Один - мой пациент, а с другим приходится делить постель...

© Краш Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 3	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Деймон Краш

Уроки искушения, или Пылающие сердца драконов. Часть 3

Часть 3

Глава 1

Лейла Мариотт

Они были рядом. Оба.

Дрейк сидел в изголовье кровати, расставив ноги и устроив меня в своих объятьях, как в колыбели. Я лежала спиной на его широкой груди и чувствовала дыхание в своих волосах.

Рик только опустил на постель перед нами. На нём не было ничего, кроме простых хлопковых штанов, и я могла наблюдать в подрагивающем свете свечи, как тени пролегают во впадинах между мышц его торса. Он коснулся моей щиколотки кончиками пальцев и медленно повёл ладонью по ноге — сначала к колену, а потом ещё выше, подтянулся всем телом ближе и положил ладонь на моё бедро изнутри, там, где её не было видно под юбкой моего платья.

Дрейк, обхватив под грудью, крепче прижал меня к себе и, чуть приподняв, склонился, чтобы поцеловать в висок. Его губы соскользнули по скуле к основанию подбородка, потом кончик языка очертил край ушной раковины и скользнул за ухо, оставляя за собой влажную дорожку.

У меня перехватило дыхание, и я чуть повернула голову, подставляя ему шею, куда постепенно начали спускаться неторопливые, томные поцелуи.

Рик наблюдал. Его ладонь замерла на моём бедре, большой палец выводил ленивые круги по коже, и от каждого круга по телу расходилась тёплая волна. Он никуда не торопился. Смотрел на меня — на то, как я запрокидываю голову на плечо Дрейка, как приоткрываются губы, как вздрагивают ресницы — и в его глазах было что-то тёмное, голодное, словно терпеливый зверь, ожидающий свою награду за верную службу.

Я чувствовала обоих драконов. Их жажду, их пламя, которое с каждым мгновением распалялось всё сильнее. Чувствовала их обоих — как единое целое, как две стороны одной монеты, как две половинки одного яблока. И от этого удовольствие становилось только острее.

— Ш-ш-ш, — прошептал Дрейк мне в шею, когда из моей груди вырвался слабый стон.

Рик подался вперёд. Его вторая рука легла мне на колено, мягко раздвигая мои ноги, и я невольно выдохнула, когда его губы коснулись внутренней стороны моего бедра. Кожа отозвалась горячей волной, заставив меня выгнуться, и я сильнее вжалась спиной в грудь Дрейка.

Пальцы Рика скользнули выше по моему бедру, и юбка платья послушно поднималась вместе с ними. Дрейк провёл ладонью по моему животу вверх, потом обхватил её грудь и, чуть сжав её, крепче притянул меня к себе, не давая двигаться. Я была зажата между ними, и мне при всём желании было некуда деться. Но тогда мне совершенно не хотелось снова убегать.

Мне стало трудно дышать, когда Рикард обхватил мои бедра обеими руками, а потом медленно провёл языком между ними, поднимаясь выше и выше и закончив на самой вершине горячим поцелуем. Я не сдержала стон, но Дрейк перехватил его, повернув мою голову к себе и запечатлев поцелуй на моих губах.

Дрейк целовал так, как делал всё — основательно, глубоко, без спешки. Его язык скользнул по моей нижней губе, и я приоткрыла рот, впуская его, и одновременно почувствовала, как

Рик внизу делает то же самое, медленно, влажно, настойчиво проникая внутрь. Мне казалось, я тону в наслаждении, которое разливалось по телу из двух самых чувствительных точек. Эти волны переплетались между собой, превращаясь в одну горячую, нестерпимую пульсацию.

Пальцами я впилась в ногу Дрейка — единственное, за что я могла ухватиться, — и он коротко, хрипло рыкнул мне в губы. Он сильнее сжал мою грудь, сминая её центр большим пальцем, и я непроизвольно подалась бёдрами к Рiku. Он ответил: одной рукой крепче обхватил моё бедро, а пальцами другой руки скользнул внутрь, продолжая удерживать вершинку губами.

Я почувствовала, как внутри натягивается что-то тугое, раскалённое, готовое вот-вот лопнуть и извергнуться.

— Не сдерживайся, — прошептал Дрейк, обдав мою шею горячим дыханием.

И я не сдержалась.

Волна прокатилась от низа живота до самого горла, выгибая тело дугой. Я закричала, и Дрейк прижал меня к себе так крепко, что я чувствовала каждый удар его сердца в свою спину, а Рик не отпускал, не останавливался, пока последняя судорога не прошла сквозь меня и я не обмякла, задыхаясь.

И тогда я проснулась.

Опять новое место. Незнакомая спальня, чужая кровать. Слишком просторная — я могла раскинуть руки и ноги во все стороны, а места всё равно оставалось много. Но больше в комнате не было ничего.

Я протяжно выдохнула, осторожно коснувшись живота. Между ног горело и всё ещё немного пульсировало от охватившего меня во сне оргазма. Просторная майка Рика, которую я взяла в качестве ночной сорочки, липла к телу.

Проведя пальцами ниже, я осторожно коснулась между ног. Брови невольно дрогнули от острого приятного ощущения, пронзившего всё тело. Проникнув внутрь и закусив губу, я сделала несколько коротких движений, вспоминая образ из сна — и вторая волна затопила меня, заставив тихо заскулить.

Тяжело дыша, я зажмурилась.

Это сон. Просто сон — и ничего больше.

Я услышала хлопок двери и резко повернула голову. Нет, это была другая дверь, где-то снаружи. Прислушалась, замерев. Ни шагов, ни каких-либо других звуков.

Всё было тихо.

Я перевернулась лицом в подушку и застонала. Тихо, жалобно, как побитая собака. Потому что в голове всё ещё стоял его голос... нет, их голоса. И ощущение близости, единения, того, как всё должно было быть!

Просто сон. Дурацкий, ужасный, невозможный сон, который ничего не значит.

Я повторила это трижды.

Не помогло.

Кое-как поднявшись, я огляделась. Спальня Рика была маленькой, аккуратной, с минимумом вещей. Он уступил мне её, а сам спал на диване в гостиной — так было решено с первого дня, и я не стала спорить, хотя предлагала поменяться.

“Лейла, я офицер полиции и могу спать хоть на бельево́й верёвке”, — отрезал он тогда, и тема была закрыта.

Одежда, которую я забрала из общежития после перевода из академии, лежала в сумке, но рыться в ней пока не хотелось. Стоило сначала принять душ и... смыть с себя остатки этого дурацкого сна.

Майка Рика доходила мне чуть не до колен, так что одеваться необходимости не было. Оставалось только взять полотенце и пойти в ванную комнату. И всё равно я чувствовала себя как-то неловко.

В гостиной, которая была объединена с кухней, тихо посвистывал готовый закипеть чайник. Я поспешно подошла к нему и, не дожидаясь sireны, сняла чайник с плиты. Потом щёлкнула рычажком — и греющий элемент потух.

Только тогда я заметила Рика. Он стоял на балконе, опершись локтями об ограду, и курил, глядя на Пантарэю, которая тянулась во все стороны множеством улиц, домов и башен.

Утро было холодным, и сизый дым смешивался с паром, который выдыхал Рик каждые несколько секунд. Он стоял без куртки, в одной рубашке с закатанными рукавами, и даже сквозь окно я чувствовала, что от него не исходило магии, которой он мог бы согреться.

— Тебе не холодно? — спросила я, отворив дверь балкона и осторожно выглядывая. Мне ещё было не по себе от такой высоты. Апартаменты Рика находились на верхнем этаже одной из драконьих башен. А именно — на тринадцатом. Я никогда не жила выше четвёртого этажа, и здесь, на высоте птичьего полёта, испытывала животный страх при каждом взгляде из окна.

И почему я так и не удосужилась освоить автолевитацию?..

— Мне нет, а вот тебе в таком виде высываться не стоит, — строго ответил Рик.

Недокуренная сигарета в его руках превратилась в пепел, который тут же развеялся по ветру.

Он подтолкнул меня в плечо, и я послушно вернулась в комнату, пропуская Рика внутрь. Он закрыл дверь и, развернувшись ко мне, скрестил руки на груди. Медленно его взгляд прошёл по мне снизу вверх, и я невольно ощутила какой-то странный, сладковато-терпкий аромат. Невольно оглянулась на чайник: разве в него уже засыпали травы?

— Ты почему не переделась? — спросил Рикард неожиданно требовательным тоном. — Я тебе дал эту майку, чтобы спать в ней, а не на прогулку ходить.

— Собиралась принять душ, — ответила я, не понимая, к чему он клонит. — А в чём проблема? Что-то не так с этой майкой?

Рикард терпеливо вздохнул, потом подошёл ко мне и, прислонившись бедром к кухонной стойке, заглянул прямо в глаза.

— Лейла, — сказал он, и я почувствовала, что мне стало неловко от такой его близости. Запах металла и табака окутали меня с головой, и я с трудом сглотнула вставший в горле ком. — Послушай. Я одинокий волк, живу один и не вожу сюда женщин. По крайней мере, теперь точно не вожу. И такие откровенные наряды вызывают во мне вполне определённые чувства и... порывы.

— Откровенные наряды? — я аж рассмеялась от облегчения. — Да эта майка на мне мешком висит! Я менее откровенной одежды в жизни не носила...

— Лейла, — прорычал он и, схватив меня за подбородок, заставил снова смотреть мне в глаза. — Не искушай судьбу. У меня нет такой же выдержки, как у Дрейка. Если явишься голой в мою постель, я не буду выяснять, как это произошло и что ты хотела этим сказать. Ясно?

— Ясно, — выдохнула я и почувствовала, как влага между ног стала теплее. — Тогда я, пожалуй, в душ и переодеваться.

— Иди, — он выпустил меня и отошёл к шкафу, в котором стояли кружки.

Почти бегом я скрылась в ванной комнате, закрылась там и, тяжело дыша, прислонилась спиной к двери. Сердце вырывалось из груди, кровь прилила к щекам, и всё тело снова охватил тот же жар, что несколько минут назад в постели.

Сбросив с себя майку, которая нуждалась в стирке, я повернула вентиль и встала под струю холодной воды. Она стекала по плечам и спине, постепенно охлаждая мой пыл, касалась меток, на которые я стала не смотреть.

Иногда я задавалась вопросом, почему не рассказать о них Рикарду? Но мне было страшно. Подобные вещи не должны проявляться на коже человека, тем более, что я нашла изображение брачных меток драконов — и эти совершенно не были на них похожи. Брачные

метки состояли из тонких изящных узоров, и каждый узор был уникален. Мои же выглядели просто как серебристые линии, аккуратно обхватившие плечо.

— Дура, — прошептала я и провела руками по мокрым волосам. — Ишь чего захотела, брачные метки... Это было бы слишком хорошо. И слишком просто...

Нет, я какая-то аномалия. Нужно будет поискать в книгах что-нибудь про подобные отметины. Уж где-где, а в библиотеке центральной лечебницы Пантарэи наверняка найдётся всё про известные метки.

Наконец, собравшись с мыслями, я привела себя в порядок, высушилась тёплым дуновением силы огня и переделалась в свою новую учебную форму. Мне надлежало ходить в длинной, до самого пола зелёной юбке и такой же зелёной рубашке, которая сверху фиксировалась подгрудным корсетом. На рукавах застёгивались ремешки с держателями для артефактов, на бёдрах — два просторных ремня с той же целью. Волосы я собрала в мягкий пучок на затылке и, наконец, вышла из ванной комнаты.

— Так лучше? — спросила я, демонстративно остановившись на пороге гостиной, чтобы Рик, тоже переодевавшийся перед рабочим днём, увидел меня полностью.

Он усмехнулся и затянул портупею, которая очертила линии его широких плеч.

— Тебе идёт, — заметил он. — Я бы не отказался, чтобы меня лечила такая мисс доктор.

Я закатила глаза и села за стол, на котором стояли чашки с крепким горячим чаем и лежала свежая газета.

— Думаешь, я справлюсь? Меня никогда не готовили к медицине, всё, что мне известно об устройстве человеческого тела, я узнала во время работы над проектом профессора Клауриса. И на уроках анатомии в коллегии.

— Справишься, — Рик закончил с портупеей и сел рядом, закинув ногу на ногу. — Твоей памяти можно только позавидовать. В конце концов, тебя же не просто так зачислили на курс интенсивной подготовки.

— А если мне не хватит нескольких месяцев для подготовки к первому курсу?

— Тогда пройдёшь подготовку ещё раз, — он открыл сахарницу и насыпал в свою чашку пять ложек сахара. У меня аж зубы свело от такого количества.

— Может, ты и прав, — вздохнула я и осторожно отхлебнула горячий горький чай.

Рик всегда заваривал его слишком крепко. За три дня в этом доме я не успела привыкнуть к мелочам вроде этой, но заметила, что на деле братья оказались куда более похожи, чем мне казалось на первый взгляд. Рик вставал в одно и то же время, напевал по утрам один и тот же мотивчик, пил один и тот же чай, неизменно с пятью ложками сахара. Всё это невольно напоминало мне о Дрейке — и в такие моменты становилось грустно.

Нам сообщили, что его перевели в больницу, он всё ещё в реанимации и пока не приходил в сознание. С каждым днём я волновалась сильнее, но нам не сообщали точное его местоположение, потому что посещать его было нельзя. Как объяснил доктор, любое присутствие рядом может выводить из равновесия баланс силы внутри него, и тогда весь процесс сшивания придётся начинать заново. И нам не оставалось ничего, кроме как ждать.

— Если ты готова, пойдём на взлётную площадку.

— Я могу и на омнибусе... — начала было я, но Рик хлопнул по столу, заставив меня вздрогнуть.

— Это не обсуждается, — произнёс он, серьёзно глядя мне в глаза. — Я должен лично убедиться, что ты добралась до лечебницы.

А потом вдруг усмехнулся:

— Или ты больше не доверяешь моим крыльям?

— Ты действительно считаешь, что опасность ещё осталась? — как бы между прочим бросила я, поднимаясь из-за стола.

— Аркейн ещё на свободе, хоть и заперт в собственном доме. Это не мешает ему оставаться в контакте со своими псами. К нему приходят женщины, оказывающие разные... хм, услуги. Мы, конечно, присматриваем за теми, кто входит в его дом, но не можем знать, что они потом и кому передают.

Я молча надела пальто и высокие кожаные сапоги на маленьком каблучке. Прикрепила шляпку шпильками к волосам. Остановилась у зеркала возле входной двери, натягивая тонкие кожаные перчатки. Рикард подошёл ко мне со спины, накинул форменный мундир и положил руку мне на плечо.

— Может, всё-таки обратимся за помощью в защите свидетелей? Ты просто исчезнешь для людей Аркейна до тех пор, пока они все не будут осуждены.

— Нет, — я чуть повернула голову в его сторону, но опустила взгляд. — Если я соглашусь на это, то не знаю даже, когда выпадет ещё один шанс стать хирургом.

— Ты действительно этого хочешь?

— Это прорыв, — я развернулась к нему и посмотрела Рикаду прямо в глаза. — Если не я, то кто? Мы сможем спасти людей! Детей, которые в эмоциональном всплеске рвут линии силы. Женщин, которые переживают это во время стремительных родов. Ты вообще знаешь, как часто такое происходит? Ежегодно теряют дар сотни, тысячи драконов! И здесь, в Виригии, только малая их часть. Думаешь, хоть что-то в моей жизни ещё сможет сравниться по ценности... с этим?

Он улыбнулся и покивал:

— Значит, ты не боишься.

— Боюсь, — возразила я и, вручив мундир в руки Рика, надела на спину свой рюкзачок. — Очень боюсь. Но ведь это шанс, и ты сам предложил мне ухватиться за него.

— Я не отказываюсь от своих слов. Но тогда тебе придётся постоянно быть в моём поле зрения. А ты, как я знаю, не любишь контроля.

Я сжала лямки своего рюкзака и несколько мгновений просто смотрела в сторону. Потом согласилась:

— Не люблю. Но если это будешь ты, то мне нечего бояться.

И толкнула входную дверь, чтобы поспешно выйти из апартаментов и взбежать по лестнице.

На взлётной площадке было холодно. Косой мокрый снег ложился на камень под моими ногами, несмотря на то, что над площадкой была установлена широкая остроконечная крыша — настолько сильным был ветер. Он трепал полы моего пальто, так что я подняла ворот и сильнее запахла его под горлом.

— Погодка нелётная, — заметил Рик.

— Может, всё-таки транспортом?

— Мобилем дольше, — отрезал он. — К тому же, ак безопаснее. Ну что, ты готова?

— А у меня есть выбор? — я иронично выгнула бровь.

Рикард усмехнулся и вышел на центр площадки, пока я стояла у лестницы. Несколько мгновений — и передо мной уже не мужчина, а огромный дракон с чёрной чешуёй, отливающей серебром.

— Тогда погнали, — пророкотал он нечеловеческим голосом, перекрывающим шум ветра, и распластался по площадке, положив крылья на пол.

Я уже почти привыкла к этому. Залезла на шею, устроившись в основании крыльев, схватилась за рога, которые аккуратно тянулись назад, к затылку, вдоль вытянутого черепа. Он приподнялся и протрусил к краю площадки. Потом поднялся на задние лапы, заставив меня припасть к его шее, взял меня лапами за ноги — именно поэтому я выбрала сапоги по колено, — и прыгнул, резко расправив крылья.

Мне не первый раз доводилось летать на драконе, но сердце всё равно ушло в пятки. Снег ударил в лицо, и я опустила голову, прячась от него за шляпой. Зря всё-таки я не купила себе очки для полётов. В такую погоду было бы весьма кстати.

Рик сделал поворот, выбрав направление, поймал ветер и начал планировать, больше не хлопая крыльями. Мне был понятен его выбор места жительства. Обычно драконы не жалеют денег на то, чтобы жить в просторном доме, но Рик обосновался в крошечной — по их меркам — квартире под самой крышей. Оттуда он мог легко спланировать почти в любую часть города и, к тому же, сразу найти нужное направление. Мне оставалось только удивляться тому, как он легко ориентировался на такой высоте.

Полы моего пальто трепетали, били меня по бёдрам. Я вжималась в шею дракона, чувствуя щекой его жёсткую чешую, и лишь краем глаза наблюдала за тем, как плавно движется под нами Пантарэя. Город словно уснул, замёрзнув. По улицам почти не бежали люди, а те, кто решился выйти из дома, кутались в пальто и плащи, прячась от промозглого ветра.

Я окутала себя тёплым воздухом, создавая температурный щит. Это немного помогло от снега, но если бы так продолжалось слишком долго, я бы промокла насквозь.

К счастью, лечебница была не так далеко от дома: всего в тринадцати кварталах, что для летящего дракона складывалось в десять минут чистого пути. Поэтому скоро Рик грузно приземлился на взлётно-посадочную площадку лечебницы, где чуть в стороне стоял маленький реанимационный дирижабль.

Дракон поджал ноги, опускаясь корпусом на поверхность, и расправил крылья. Я спрыгнула на твёрдую землю и качнулась.

— Эй, не падай, — сказал Рик, который мгновенно сменил ипостась и подхватил меня под локоть.

— Всё в порядке, — улыбнулась я. — Спасибо, что подвёз.

— Идём, — он положил руку мне на талию и чуть подтолкнул в сторону ведущей в здание лестницы. — Мне тоже нужно зайти ненадолго.

— Зачем? Тебе разве не нужно на работу?

— Тут один коллега лежит, восстанавливается после травм. Я обещал узнать новости и передать их начальству.

Мы расстались на третьем этаже. Он направился в сторону отделения реанимации, а я пошла дальше по лестнице — в хирургическое. Строгая миссис Дейдра уже ждала меня в холле со скрещенными на форменной рубашке руками.

— Вы опаздываете, мисс Мариотт, — строго сказала она.

— Никак нет, — возразила я, расстёгивая плащ на ходу. — До начала занятий ещё десять минут.

— Через десять минут уже начинается операция, — вскинула указательный палец мисс Дейдра. — И мы уже сейчас должны находиться в операционной галерее!

— Поняла, — ответила я, одной рукой держа свой рюкзак, а другой снимая пальто. — Разрешите только оставить верхнюю одежду!

— Эрик, — миссис Дейдра остановила пробегающего мимо помощника лекаря. — Забери пальто и шляпку мисс Мариотт и повесь их в комнате отдыха.

Я спохватилась и поспешно вынула шпильки, чтобы Эрик мог забрать мою шляпку.

— Следуйте за мной, мисс Мариотт, — бросила моя новая наставница, даже не удостоившись, что я была готова, и широким шагом направилась по коридору в сторону операционных. Я почти бегом поспешила за ней следом.

Через пару минут мы вошли в длинный узкий кабинет. Вдоль одной из стен тянулась стеклянная стена, через которую была видна вся операционная, а в верхней части этого стекла отображались какие-то символы, цифры и буквы — значения показателей приборов, в которых я не понимала ровным счётом ничего.

Вдоль стеклянной стены стояли в ряд четыре стола, три из которых уже были заняты: за ними сидели другие учащиеся интенсивного курса. Двое из них — драконы, но не лесные: Лоранов начинали обучать медицине ещё в школе, и им не требовалось пополнять знания перед первым курсом в лечебнице. А третий, высокий парень с выраженными скулами и желваками — показался мне человеком.

Я заняла последнее свободное место и достала из рюкзака тетрадь, перо и чернильницу.

Миссис Дейдра кашлянула:

— Итак, мисс Мариотт, смотрите и слушайте внимательно. В отличие от остальных, вы впервые присутствуете при операции на потоках. Итак, сейчас помощники готовят пациента. Подойдите к стеклу и посмотрите внимательно. К нему подключают следующие артефакты для контроля жизненных показателей...

Она говорила, а я послушно подошла к стеклу и прильнула к нему, наблюдая за процессом подготовки. Пациент был накрыт белой тканью и развёрнут головой ко мне, так что большой аппарат не позволял разглядеть его тщательно.

— Теперь, когда считывающие элементы установлены, — продолжала миссис Дейдра, — стол фиксируют на креплениях, чтобы он точно не шевелился и не создавал препятствий для тонких манипуляций.

Помощники в операционной действительно развернули койку — и я чуть не вскрикнула, резко закрыв рот ладонью.

На операционном столе определённо лежал Дрейк.

Глава 2

Лейла Мариотт

Он был совершенно белый, с тёмными кругами под глазами и, казалось, похудел. Драконам нужно очень много питания в течение суток, учитывая то, сколько энергии отнимает вторая ипостась и развитая мускулатура, поэтому капельницы вряд ли могли восполнить ему всё необходимое. Это бросалось в глаза. Обычно сильный и властный, теперь он выглядел совершенно беззащитным.

— Этот пациент находится в магической коме шестые сутки, — продолжала между тем миссис Дейдра. — У него были повреждены девяносто пять процентов каналов, но, к счастью, удалось вовремя соединить основные артерии с центром жизненной силы.

— Он поправится? — спросила я чуть дрогнувшим голосом.

Наставница снова прочистила горло:

— Этот вопрос вне моей компетенции. Хирургия потоков подразумевает нестабильность состояния: стресс, изменение внешних условий или любой другой фактор, вызвавший всплеск или активное течение магической силы, может спровоцировать новые разрывы. Данный пациент был стабилен в течение трёх суток, однако этим утром была зафиксирована дестабилизация, что вы можете видеть вот здесь.

Она провела указкой по участку стекла, где подсвечивались надписи, и, немного помолчав, продолжила:

— К счастью, дестабилизация была не серьёзной и не привела к ухудшению состояния, поэтому операция будет проходить по плану. Сегодня доктор Вейр и доктор Лани займутся воссоединением потоков разума. Откройте страницу триста восемнадцать в “Атласе потоков и каналов”.

Я с трудом заставила себя оторваться от стекла, за которым Дрейку устанавливали второй катетер, и взяла в руки атлас. Он был тяжёлым, но я не стала садиться за стол. Мне нужно было видеть всё, что с ним происходило.

— Каналы разума проходят от резервуара через основание черепа и разветвляются на три группы, — миссис Дейдра постучала пальцем по схеме в атласе. — Височные, теменные и затылочные. В отличие от жизненных артерий, которые питают сердце и лёгкие, каналы разума не являются критичными для выживания. Пациент может существовать без них неограниченно долго: сердце всё равно будет биться, внутренние органы — исправно функционировать. С медицинской точки зрения организм находится в стабильном жизненном состоянии, но сознание остаётся заблокированным.

Она обвела указкой схему на стекле:

— Представьте себе плотину. Вода течёт по руслу, но створки закрыты, в результате образовывается водохранилище. В нашем случае сила скапливается в резервуаре, ускоряя регенерацию. Когда поток силы восстановится в каналах разума — створки откроются, и пациент выйдет из комы. Именно поэтому операция, которую вы сейчас видите, является ключевой для пробуждения этого пациента. Без неё он может оставаться в таком состоянии месяцы, пока каналы не затянутся естественным образом. С ней — при благоприятном исходе — мы ожидаем восстановление сознания в течение нескольких суток.

Несколько суток...

Значит, он скоро придёт в себя и я, наконец, смогу с ним поговорить.

— Запомните это, — продолжала миссис Дейдра, шагая за нашими спинами из стороны в сторону. — Для того, чтобы ввести пациента в искусственную кому, хирургу достаточно перерезать один или несколько каналов разума и убедиться в том, что они не затянутся сами собой

до того, как закончится необходимое лечение. Также это один из способов обезболить пациента при срочных операциях в полевых условиях.

Я прижимала к себе распахнутый атлас и во все глаза смотрела на то, как хирурги — доктор Вейр и доктор Лани активируют артефакты. С такого расстояния я не могла приняться или внимательно рассмотреть течение силы в них, чтобы понять, что происходит, но миссис Дейдра уже начала рассказывать об их назначении, привлекая наше внимание к показателям, возникающим на гладкой поверхности стекла.

Через некоторое время она всё-таки велела мне сесть и начать записывать всё, что она диктует. Впрочем, через стекло всё равно почти ничего не было видно. Весь процесс транслировался на специальном артефакте вроде большого вещателя, где возникали схематические изображения каналов пациента. Подобные использовал мистер Клаурис в своём проекте, так что я быстро втянулась.

К счастью, расположение каналов мне было уже довольно хорошо известно. Это позволяло не только успевать записывать теорию, которую диктовала миссис Дейдра, но и следить за происходящим в операционной. Возможность наблюдать за процессом немного успокаивала — и в то же время не позволяло полностью сосредоточиться на занятии.

Операция длилась... долго. Когда всё закончилось, и Дрейка, наконец, увезли в палату, время уже перевалило за обед. У меня всю урчало в животе, но аппетита не было с самого утра. Когда миссис Дейдра сообщила, что у нас есть час на перерыв, я закрыла тетрадь и потёрла глаза.

— Привет, — на край моего стола вдруг сел парень, который до этого занимал место слева от меня. Тот самый, что не был драконом. У него были короткие иссиня-чёрные волосы, глубоко посаженные цепкие глаза, длинная шея, крапинки веснушек и жилистые руки — их было хорошо видно, потому что он подвернул рукава форменной зелёной рубашки почти до самых плеч.

— Привет, — ответила я, бросив на него короткий взгляд.

— Я Арес Лайт. А ты?

— Лейла Мариотт, — представилась я равнодушно, убирая свои вещи в сумку.

— Как насчёт пообедать вместе?

— Прости, у меня срочное дело.

Я встала из-за стола и направилась к выходу, но Арес перепрыгнул через мой стол и перегородил путь. Всё-таки кабинет был слишком узкий, потому что обойти парня я не могла никак, если не перелезть через соседний стол.

— Я слышал, как у тебя урчит в животе. И полностью с ним согласен. Пойдём поедим.

— У меня правда есть срочное дело. Пропусти, пожалуйста.

— А если не пропущу?

Я подняла на него взгляд. Со мной всё было понятно, но что он делал здесь, на интенсивном медицинском курсе?

— Тогда нас обоих отчислят за несанкционированную магическую дуэль в операционной галерее.

Арес присвистнул, но с места не сдвинулся.

— Ты мне угрожаешь?

— Да, — я продолжила смотреть ему прямо в глаза. — Так ты меня пропустишь?

— Дай подумать, — протянул он, не торопясь отступать.

Я вздохнула и, не давая ему времени опомниться, шагнула на стул, потом на стол, прошла в его противоположный конец и, спрыгнув на пол, вышла из кабинета.

Мне вслед донёсся залиvistый хохот. Он ещё что-то крикнул, но я уже не разобрала, потому что быстро шагала к лестничной клетке.

В Храме Золота нам сказали, что Дрейка перевели в больницу и держат в реанимации. Не удивительно, что он оказался именно здесь: центральная лечебница была основным местом, где оперировали драконов. Хотя я думала, что его всё-таки положат в маленькую частную клинику со всеми удобствами и наймут хирургов, чтобы те лично им занимались.

Что ж. По крайней мере, теперь я точно знала, где он, и могла его навестить.

Поднявшись на третий этаж, я повернула в сторону реанимационного отделения и вдруг вспомнила слова Рика. Якобы он пришёл проводить напарника. Усмешка коснулась моих губ. Да, Дрейк официально всё ещё оставался офицером полиции, и про него можно было выразиться именно так.

Подлец. Если узнаю, что он от меня скрывал местонахождение брата!..

То что?

Я не знала, какую кару придумать для Рикарда, но дала себе слово, что не спущу ему этого просто так.

— Девушка, вы не ошиблись этажом? — остановила меня молодая врач. — Мы не проводим сейчас обучающий курс. Вам ниже.

— А, нет, — я смущённо улыбнулась и поправила на плече свою сумку. — Дело в том, что здесь лежит близкий мне дракон, и я хотела узнать, нельзя ли его проводить.

— Обычно мы не разрешаем навещать тех, кто в реанимации, — она окинула меня изучающим взглядом. — Но раз уж вы проходите у нас обучение, возможно, доктор пойдёт вам навстречу. Кто лечащий врач пациента?

— Я не знаю, но... — я немного смутилась. — Он только что вернулся с операции, и им занимались доктора Вейр и Лани.

— Не знаете? — она вскинула бровь. — Вы не являетесь опекуном?

— Нет, к сожалению...

— Это всё усложняет. Ладно, идите за мной. Уточним у доктора Вейра, он сейчас в комнате отдыха.

Она быстрым шагом направилась куда-то по коридору, и я чуть не бегом пошла за ней. Казалось, в этих стенах все передвигались бегом, не теряя ни единой лишней секунды. Это заставляло собраться и думать критически, не оставляя себе времени на лишние переживания.

Врач дошла до тяжёлой деревянной двери с выбитой на ней надписью “комната отдыха” и, приложив к ней ладонь, толкнула её. Я почувствовала движение силы и невольно присмотрелась к двери. Она была зачарована. Плетение отзывалось только на отдельные отпечатки аур, и открыть эту дверь можно было только если твоя аура соответствовала одному из “ключей”.

Я невольно подумала, что если достать любой контракт, подписанный этой женщиной, можно будет легко проникнуть в комнату отдыха с помощью отпечатка её ауры. Нужно только...

— Доктор Вейр, — молодая врач заглянула в комнату. — У этой курсантки есть к вам пара вопросов. Можете принять?

— Да-да, пусть заходит.

Женщина распахнула дверь шире, позволяя мне зайти, а сама тут же скрылась в коридоре, и только быстрый стук её каблучков напоминал о том, кто меня сюда привёл.

— Я вас слушаю, мисс.

Доктор Вейр сидел на одном из множества стульев за огромным вытянутым столом овальной формы. Кроме него в комнате были ещё четверо. Женщина, которая читала огромную толстую книгу, сидя в кресле-качалке, мужчина, спавший на верхнем ярусе двухуровневой кровати. Ещё двое не носили белых халатов, но очень напряжённо что-то писали, сидя за письменными столами в дальнем конце комнаты.

— Простите, что мешаю вашему отдыху, доктор, — сказала я, немного подумав. — Я знаю, что вы только что вернулись со сложной операции, потому что находилась в галерее и наблюдала за ней с самого начала.

— Так вы курсантка отделения хирургии, — одобрительно заметил доктор. — Простите, как ваше имя?

— Лейла Мариотт, сэр.

Женщина тут же перестала покачиваться в кресле и подняла на меня взгляд поверх тонких очков.

— Мисс Мариотт, — повторил доктор. — Вы не против немного прогуляться? Я бы хотел взять себе кофе, а по пути вы расскажете, зачем пришли.

Я только и успела что кивнуть в знак согласия, а доктор уже встал, оставив в беспорядке на столе какие-то бумаги.

— Рад приветствовать вас лично, мисс — сказал он, как только мы вышли и остались одни в коридоре. — Мне уже рассказали о том, что вы совершили, и оперировать мистера Андреаса было настоящим удовольствием. Никогда не видел, чтобы сила тянулась прямо в разорванный канал и выходила таким же ровным потоком через другой. Полагаю, вы хотели справиться о его состоянии?

— Вы правы, — немного облегчённо согласилась я. — Мне не говорили, что мистер Андреас лежит именно в этой больнице, узнала только сегодня. Скажите, кто является его опекуном?

— Дайте-ка посмотреть... — доктор достал из поясной сумки вещатель и некоторое время сосредоточенно водил по нему пальцем. Потом кивнул: — Мистер Рикард Оливер Артас.

Оливер? Я не знала, что у Рика есть второе имя. Впрочем, оно у него должно было быть, ведь, согласно законам, два ныне живущих дракона не могут носить одно и то же имя.

Или это какой-нибудь другой родственник с тем же именем? Нет, не может быть. Слишком много совпадений.

— Рикард, — повторила я. — Понятно. Собственно, я хотела узнать, нельзя ли навестить Андреаса. Дело в том, что он, как вам известно, находится в реанимации, и гостей не пускают. Но, быть может...

Доктор некоторое время молчал. Мы как раз подошли к кафетерию третьего этажа, где было довольно много людей: и врачей, и пациентов, — и доктор жестом предложил мне войти первой.

— Вы будете кофе, мисс? — спросил он.

— Если вам не трудно, — я чуть улыбнулась — скорее из вежливости, чем от чувства признательности.

Доктор подошёл к стойке, где стоял большой чан с нагревателем, и налил прямо из него чёрный кофе в два крошечных стаканчика. Потом взял тарелочку, положил на неё два бутерброда с ветчиной, всё это составил на поднос и, расплатившись, отвёл меня в сторону за маленький высокий столик.

— Прошу, мисс Мариотт. Вы голодны.

— Не нужно, я...

— Мисс Мариотт, — перебил он меня. — Я ведь не просто врач, а лесной дракон. И чувствую физическое состояние на уровне инстинктов. Прошу вас, поешьте. У вас наверняка сегодня учёба допоздна, а миссис Дейдра никому не даёт поблажек.

— Хорошо, — вздохнула я и улыбнулась: — Спасибо. И всё же вы не ответили на мой вопрос. Могу ли я навестить Андреаса?

Он помедлил с ответом, и мне стало не по себе от этого молчания, словно за ним крылось что-то страшное. Наконец, сделав глоток чёрного кофе, доктор положил локти на стол и, чуть склонив голову, посмотрел мне в глаза.

— Мисс Мариотт. Я полагаю, вы не до конца осознаёте, что совершили. Вы не просто соединили потоки двух людей, рискуя убить их обоих. Уверен, с вами уже поговорили о рисках.

Я кивнула. Мистер Эшли — ведущий доктор Храма Золота — в красках описал, что могло бы случиться, если бы кто-то из близнецов был ослаблен или я допустила бы малейшую ошибку. Мне пришлось принести клятву, что не буду делать подобные вещи без контроля хирурга, пока не получу лицензию.

— Дело в том, что вы стали не просто проводником, а швом между теми, кого соединили. Ваша аура вошла с ними в резонанс, и теперь сила, которая течёт через обоих пациентов, проходит сквозь вас каждое мгновение.

Я немного опешила и несколько раз моргнула, забыв про бутерброд, который держала в руке.

— Вижу, вам не сообщили об этом.

Я отрицательно качнула головой:

— И что это значит?

— Это значит, что ваше состояние может влиять на здоровье мистера Андреаса. Жаль, что мне не сообщили о том, что вы наблюдали за операцией, скорее всего дестабилизация происходила из-за вашего волнения. В общем, сейчас он находится в изолированном помещении и подключён к аппаратам, которые контролируют возможные волны. Но всё же вам не стоит к нему приближаться. Ни вам, ни кому бы то ни было, до тех пор, пока его каналы не окрепнут. Вам это ясно?

— Значит, мне нельзя волноваться?

— О, я утрирую. Скорее всего, на нём скажутся только какие-то особенно сильные переживания, так что просто живите своей жизнью и не покидайте город. Но об этом, думаю, вас уже попросили.

— Да, — я сделала глоток горького кофе и закусила его бутербродом.

— А теперь позвольте задать вам несколько вопросов. Как коллега. Скажите, что вас натолкнуло на подобное решение? Соединить каналы двух живых — разумных! — существ? Вам не приходило в голову, что их ауры могут войти в конфликт?..

Я отвечала на его вопросы, завтракала, но попутно думала о том, что наверняка найдётся способ заглянуть в палату Андреаса. На минуточку. Просто убедиться, что всё в порядке и операция прошла успешно. Я ведь не буду волноваться сильнее, чем сейчас. Напротив: смогу, наконец, выдохнуть спокойно.

Надо только найти его палату... и достать свой контракт.

Глава 3

Лейла Мариотт

Затаив дыхание, я приложила охранный жетон к двери и зажмурилась. Короткий магический импульс коснулся пальцев там, где я держала жестянку, и замок тихо щёлкнул где-то внутри, а дверь едва ощутимо подалась вперёд.

Выдохнув, я огляделась. В тёмном коридоре реанимационного отделения не было ни души, и никто не наблюдал за тем, как я проникла в закрытую палату больного.

Внутри было пусто и стерильно. Даже растений, которые росли повсюду в лечебнице, здесь не оказалось: только койка, тумбочка, дверь в ванную комнату и множество держателей для артефактов, часть которых были заняты.

Дрейк действительно оказался в этой комнате. Он лежал на койке, всё такой же бледный и осунувшийся, и его грудь едва заметно вздымалась при каждом вдохе. Не включая ламп, довольствуясь только тусклым светом луны, я тихо прошла по палате и остановилась у койки, чтобы изучить показатели приборов. Пульс был медленным, но стабильным. Давление, насыщаемость кислородом — всё снижено, но равномерно.

Значит, он ещё не пришёл в себя.

Я села на край кровати и прикоснулась к его руке. Она была чуть прохладной, но зато в ней отчётливо ощущалось течение силы.

— Здравствуйте, куратор, — тихо сказала я. — Миссис Дейдра сказала, что вы придёте в себя в течение трёх суток. Но я не могла больше ждать. Доктор велел мне не приближаться к вам, чтобы случай но не дестабилизировать ваше состояние, так что я снова виновата. Если бы вы только знали, насколько.

Я усмехнулась и покачала головой.

— Знаете, как я сюда попала? Все двери на магических замках, они отпираются только оттиском ауры врача или его ассистента. Но я подумала, что, наверное, учредитель лечебницы тоже имеет доступ к дверям, поэтому сходила в канцелярию и попросила свой контракт — якобы для того, чтобы сделать копию. Копии не предполагают оттиска ауры, они только заверяются у нотариуса. Но мне нужен был просто контракт. Догадываетесь, зачем?

Конечно, ответа не последовало: Дрейк лежал молча и неподвижно. Я провела кончиками пальцев по его ладони и продолжила:

— У меня есть охранный жетон от Рика, в него вшит оттиск его ауры. Поэтому мне не пришлось делать отдельный артефакт для того, чтобы скопировать ауру учредителя. Я просто прицепила её к плетению в жетоне. Вы знаете, это сработало. Контракт я сразу вернула, чтобы ко мне не было вопросов, но теперь у меня при себе есть ключ от всех дверей этой лечебницы. Надеюсь, вы никогда об этом не узнаете, не то я буду наказана до конца своих дней.

Я улыбнулась, вспомнив, как сбежала через окно спальни в его доме.

— Но вы ведь знаете, что меня наказывать бесполезно. Кое в чём я поупрямее вас буду. Не верите? Ха. Можем проверить.

Его ресницы чуть дрогнули. Это заставило меня замолчать и прислушаться к его дыханию, но оно оставалось неизменно глубоким и ровным. Я вздохнула.

— Со мной всегда так. Знаю, что нельзя, и всё равно делаю. У вас со мной были одни проблемы, но теперь это позади: я больше не адепт академии магии. Теперь я тут, курсантка хирургического отделения. Так что в каком-то смысле вы теперь мой пациент. В очень отдалённом смысле.

Я усмехнулась и взяла его ладонь так, что наши пальцы переплелись. Помолчала немного.

— Так что поправляйтесь. Вы восстановитесь, на этот раз до конца, и больше подобного с вами никогда не случится. Вы проживёте долгую и счастливую жизнь. Обещаю.

Приборы равномерно вибрировали и пощёлкивали, не отображая никаких изменений в состоянии Дрейка. Я выдохнула с облегчением. Значит, доктор просто перестраховывался, когда говорил, что мне нельзя к нему приближаться. Если бы что-то начало меняться, я бы сразу покинула палату. Но мне нужно было убедиться. Нужно было знать наверняка, что моё присутствие может ему навредить.

— Вы мне снитесь, — продолжила я, понизив голос почти до шёпота. — Снитесь каждую ночь. И это не те сны, о которых я бы решилась рассказать маме! Если бы вы только знали, как мне стыдно признаваться, но в этих снах мы с вами снова в одной постели, и на этот раз вы не желаете меня убить. Нет, вы обнимаете меня, целуете, и моя бы воля, я бы так и осталась навсегда в этих снах...

Свободной ладонью я прикрыла лицо, словно кто-то мог увидеть, как отчаянно я краснею. Но мне так нужно было с кем-то поделиться этим! А рассказать обо всём Эйре или Марго — не решалась. Да мы и не виделись со дня моего переезда.

— Простите, куратор, — прошептала я, склонившись над ним и убирая растрёпанные волосы с его лица. — Знаю, мне не нужно было не то что говорить об этом, но даже видеть такие сны. Мы друг для друга словно яд, но...

От его близости мне стало трудно дышать, сердце забилось быстрее и настойчивее. Это было сродни пытке.

— Когда вы проснётесь, я снова буду делать вид, что равнодушна к вам. Потому что так будет правильно.

Я опёрлась о подушку возле его головы и осторожно склонилась, чтобы едва ощутимо коснуться его губ, украсть этот поцелуй, которого иначе не случилось бы никогда.

Но не успела.

Ладонь куратора, которую я держала, вдруг сжалась, и в следующий момент он, обхватив меня второй рукой за плечо, уложил меня на голову на подушку. Я едва успела осознать, что происходит, и подтянуть ноги, как его губы запечатались на моих жёсткий, властный поцелуй.

Его губы были сухими и обветренными, а поцелуй — требовательным, почти отчаянным, словно он боялся, что я исчезну, если отпустит хоть на мгновение. Рука, обхватившая моё плечо, скользнула по шее к затылку и зарылась в волосы, вжимая меня в подушку. Я почувствовала, как всё тело разом, без борьбы обмякает, будто кто-то перерезал нити, на которых я держалась весь этот бесконечный день.

Он навис надо мной, опершись на локоть, и придавил меня своей тяжестью к узкой больничной койке. Я хотела опереться, сдвинуться, дать ему пространство, но вместо того, чтобы оттолкнуть его от себя, смяла в кулак тонкую больничную ткань на его груди и потянула ближе. Под пальцами глухо и часто билось сердце, и в этом биении был совсем не тот медленный, ровный ритм, который показывали приборы минуту назад.

Краешком сознания я отметила, как защёлкали артефакты, отслеживая изменение жизненных показателей.

Я должна была отстраниться.

Должна была вспомнить слова доктора Вейра — про дестабилизацию, про волны, про то, что моё присутствие может навредить. Но его пальцы сжались в моих волосах, и я ответила — неловко, жадно, выгибаясь навстречу, пыталась запомнить этот момент всем телом.

Он целовал иначе, чем во сне. Не так, как Дрейк из моих фантазий — терпеливый, уверенный, контролирующий каждое движение. Этот Дрейк целовал так, словно тонул и я была его последней возможностью сделать вдох.

Его губы соскользнули с моих к подбородку, к горлу, к ключице, и я запрокинула голову, открывая ему шею, не думая, лишь подчиняясь горячей волне, которая поднималась изнутри. Его дыхание обжигало кожу, и каждый выдох отдавался пульсацией где-то глубоко, в самом основании живота.

Он поднял голову и посмотрел на меня — в тусклом лунном свете его глаза были почти чёрными, — а потом резко дёрнул руку с катетером. Что-то звякнуло, и трубка, подававшая в него питательный раствор, упала на пол, глухо ударившись о камень. На тыльной стороне его ладони выступила капля крови.

— Вы с ума сошли, — прошептала я, перехватив его руку, но он уже обхватил моё лицо обеими ладонями и снова поцеловал, на этот раз глубже и медленнее, не так отчаянно, как в первый раз, но от этой неторопливости у меня, кажется, отнялись ноги.

Освобождённая рука скользнула по моему боку вниз, вдоль рёбер, по изгибу талии, и сжала бедро. Даже через плотную ткань юбки я чувствовала жар его ладони. Я с трудом сделала судорожный вдох и осторожно впила пальцами в его плечи, опасаясь причинить хоть какой-то вред. Но он провёл языком по моей нижней губе, и вся моя осторожность рассыпалась, как пепел.

Артефакты щёлкали всё быстрее. Но я, кажется, совсем перестала их слышать.

Его пальцы нашли верхний край рубашки и прошлись вдоль него, не расстёгивая, не торопясь, просто обозначая линию, за которой начинается кожа. Большой палец задел ткань рубашки чуть ниже ключицы и остановился в ямке между ними, там, где бешено колотился мой пульс.

— Куратор, — выдохнула я, пытаюсь заставить себя остановить всё это, пока не стало поздно. Но тут он поднял голову, чуть сощурившись, словно прислушивался.

— Кто-то идёт, — сказал он.

Я буквально скатилась с кровати, едва не упала на пол, заметалась, а потом бросилась в ванную комнату и закрылась внутри в самый последний момент. Потому что через мгновение после этого входная дверь палаты отворилась, и в неё кто-то вошёл.

— Мистер Андреас! — воскликнул женский голос. — Вы что себе позволяете! Сейчас же ложитесь обратно!

Я закрыла ладонью нос и рот, чтобы вошедшая женщина не услышала моего дыхания. У драконов чувствительный слух. И...

О, нет! И обоняние!

Я зажмурилась и постучала себе по лбу. Как можно было забыть про такую деталь! Меня же легко выследят по наличию постороннего запаха в палате!

— Я уже здоров и не нуждаюсь в этом, — послышался хриплый голос Дрейка, и я замерла, прильнув к двери ванной комнаты.

— Мистер Андреас, вы только что вышли из комы, ваше состояние было критическим! Позвольте врачу решать, в чём вы нуждаетесь, а в чём — нет. Я сейчас его позову. Великая Праматерь, вы ещё и катетер выдернули! Ложитесь!

— Я в порядке, — возразил Дрейк. — Позовите врача.

— Вам ещё рано двигаться, мистер Андреас! Немедленно ложитесь обратно!

Послышался тихий скрип кровати. Видимо, Дрейк всё-таки подчинился требованию женщины и опустился на койку.

— Давайте сюда вашу руку. Мне нужно обработать рану и поставить новый катетер. Богиня, ну что за бардак вы тут устроили! Никогда ещё не встречала таких буйных пациентов.

Некоторое время я слышала только шорох ткани и позвякивание инструментов. Потом что-то звякнуло громче — и раздался резкий, едкий запах, который даже сквозь дверь ванной ударил мне в нос. Я сморщилась и прикрыла рот рукавом. Пахло чем-то кислым и одновременно горьким, как пережжённая трава.

— Ох, проклятье, — пробормотала медсестра. — Не двигайтесь, я сейчас уберу.

Снова шорох, скрип открывшегося окна.

— Как вы себя чувствуете, мистер Андреас? — тем временем спросила женщина. — Вы не выглядите, как дракон, который только вышел из комы. Да и сны вам, судя по всему, снились приятные.

Она хохотнула, а Дрейк сухо ответил:

— Вас это не касается.

— Ещё как касается. При возбуждении повышается пульс и давление, так что постарайтесь усмирить ваши фантазии, хотя бы на некоторое время...

Я почувствовала, как начала краснеть. Должно быть, она всё-таки была драконицей и действительно почувствовала моё присутствие, но списала всё на его “возбуждение”. Отчего-то мне стало так неловко, что захотелось провалиться сквозь землю. Но я оказалась в ловушке: другого выхода из ванной комнаты, кроме как в палату, не было.

— Благодарю за разъяснение, — сухо ответил Дрейк, и я тут же во всех подробностях представила его каменное, невозмутимое лицо с едва заметно стиснутой челюстью.

— Я позову доктора... и уборщика. Отдыхайте и больше не пытайтесь вставать, мистер Андреас. Вы меня поняли?

Она не стала дожидаться ответа. Дверь палаты закрылась, и шаги быстро затихли в коридоре.

Я же так и стояла за дверью, не решаясь выйти. Не знаю, чего боялась больше: посмотреть в глаза своему бывшему куратору или попасться на глаза уборщице, но прошло минуты две, когда дверь распахнулась, чуть не ударив меня по лбу, и на пороге ванной комнаты показался Дрейк в больничной робе и с капельницей в руке.

Мы стояли так, глядя друг на друга, ещё несколько долгих мгновений. А потом он хрипло произнёс:

— Ты подделала ключ. Статья двести тринадцать, параграф два.

Я опешила. Перемена в нём была такой резкой и такой неожиданной, что мне было просто нечего сказать. Начать с того, что моя исповедь не предназначалась для его ушей! Я ведь была уверена, что он ещё без сознания! И тем более неожиданным стало то, что произошло следом...

Может, дело в лекарствах, которые ему кололи для поддержания тонуса мышц, и куратор был не в себе? Я в этом совершенно ничего не понимала, и поэтому теперь просто стояла, моргая, и время от времени открывала рот, словно рыба, не решаясь произнести ни слова.

— Я просто хотела убедиться, что вы в порядке, — наконец, сказала я. — Мне ни разу не разрешили вас навестить, а Рик! Он вообще скрывал, в какой лечебнице вы находитесь! У меня просто не было другого выбора, я бы иначе извелась, думая, что вы умираете из-за меня!..

Я сама не заметила, как подняла голос, а осознав это, быстро зажала рот обеими руками — и тогда вдруг заметила улыбку на губах куратора.

Он... улыбался. Едва заметно, одними кончиками губ, но определённо улыбался, и я лихорадочно пыталась вспомнить, видела ли когда-нибудь раньше улыбку на этих губах...

Дрейк вошёл в ванную комнату и закрыл за своей спиной дверь. Мы оказались в крошечной тьме.

— Не используй силу, — прошептал он, и я почувствовала его ладонь на своём плече. — Здесь так воняет, что по запаху тебя не найдут, а вот заметить постороннее магическое поле доктор вполне может.

— Куратор, — выдохнула я. — Только не говорите, что та колба...

Он притянул меня к себе и одной рукой прижал к своей груди.

Я заморгала, пытаясь понять, что происходит. Но мысли просто исчезли из головы, и мне оставалось только стоять, моргать и стараться не дышать, чтобы случайно не спугнуть момент.

Его сердце спокойно, сильно билось прямо под моим ухом, будто это не он только что лежал в коме, бледный и осунувшийся. Меня окутал его аромат: в нём были не только анти-

септики, лекарства и этот душный больничный запах — но ещё и тот, родной, запах металла и морозной свежести, по которому я узнала бы его с закрытыми глазами.

— Вы всё слышали, — дрогнувшим голосом заметила я. — Вы уже были в сознании, когда я пришла.

— Да.

Я зажмурилась.

Дороги назад не было, и я не видела ни единого способа исправить то, что случилось.

— Простите, — прошептала я в крошечной темноте и тишине ванной комнаты. — Я не должна была делать этого. Наговорила глупостей...

Дрейк отпустил меня, и я немного отстранилась, не зная, куда деться.

— Лейла, — он всё ещё говорил сухо и надтреснуто. — Там, в подвале общежития, я знал, что рискую своей жизнью. И был почти уверен, что никогда уже не приду в себя.

— Простите, — снова выдохнула я.

Я ощутила властное прикосновение пальцев на своём подбородке. Он приподнял мою голову и крепче сжал мою челюсть. Точно, драконы ведь видят в темноте. Ему не нужен свет.

— Сейчас же прекрати извиняться. Если снова услышу подобное — накажу.

— Про... — начала было я, но Дрейк издал глубокий, утробный рык, и я осеклась.

Он выждал несколько мгновений, и только после этого ослабил хватку, позволив мне чуть отступить.

— Я больше не намерен жить так, как раньше, — сказал он. — С этого самого дня я буду брать от жизни всё.

— О. — Я окончательно растерялась, потому как такого поворота точно не ожидала. Неловко попыталась поддержать разговор: — И... что вы будете... брать первым?

— Тебя, — глухо ответил он.

Я подняла взгляд и в полной темноте увидела серебристый перелив его глаз с узкими вертикальными зрачками зверя.

— Что вы...

Я не успела договорить, потому что рука Дрейка соскользнула с моего подбородка, и он приложил указательный палец к моим губам.

— Сиди тихо, — велел он и приоткрыл дверь ванной комнаты. А через мгновение я услышала быстрые шаги.

Кто-то вошёл в палату.

— Мистер Андреас! Позвольте представиться, я доктор Вейр, ваш лечащий хирург. Рад видеть вас в добром здравии, но должен заметить, что вам пока стоит соблюдать постельный режим.

— Мне и в туалет сходить нельзя? — рыкнул Дрейк, а я уже снова умирала в темноте за дверью ванной комнаты.

Что он хотел этим сказать? Почему его слова, тон его голоса — всё это звучало, как угроза?

— Разумеется, можно, — ответил доктор Вейр примирительно. — Простите. Мне сообщили, что вы пришли в себя и пытались встать, вот я и поспешил. Как вы себя чувствуете?

Скрип койки. Шаги. Дрейк, видимо, вернулся в постель.

— Нормально.

— “Нормально” — это не медицинский термин, мистер Андреас. Голова не кружится? Тошнота? Слабость в конечностях?

— Нет.

— Покалывание или онемение в пальцах?

— Нет, я в полном порядке.

— Хорошо. Я осмотрю вас и проверю состояние каналов. Это займёт минут двадцать. Лежите спокойно. Расслабьтесь.

Двадцать минут. Я стояла, привалившись спиной к стене, и беззвучно считала собственный пульс. Он не собирался замедляться. В голове, как заевшая пластинка, крутились два слога: “те-бя, те-бя, те-бя” — в ритме сердцебиения, и я ничего не могла с этим поделать.

Он бредит. У него шок. Послеоперационная эйфория. Люди после комы говорят странные вещи. Я слышала об этом и знала, что это скоро пройдёт. Он проснётся завтра, и снова будет мистер Андреас с каменным лицом и сводом правил, которые он знал наизусть, и всё вернётся на свои места.

По крайней мере, так должно было случиться. Так было бы проще и правильнее.

От этой мысли снова стало тяжело и больно. Его голос продолжал звучать в голове, а поцелуй горел на губах. Если бы я не знала его... Если бы мне не были знакомы все его повадки... Я бы, возможно, и поверила. Но это был не Дрейк. Совершенно другой человек теперь скрывался за жидким серебром его глаз.

... Время тянулось невыносимо медленно.

Пока доктор, ничего не комментируя, осматривал Дрейка, пришла работница и убрала осколки колбы и остатки препаратов, разлившихся по полу. Я не могла даже взглянуть на часы, чтобы понять, не ждёт ли в библиотеке Рик, который должен был забрать меня после работы. Занятия заканчивались на два часа раньше, чем его обычная смена, и мы договорились, что это время я буду заниматься в библиотеке.

Но в первый же день нашла приключений на свою голову.

Я тихо сползла по стене на пол и прижала к себе колени, положив голову сверху. Даже вещателя у меня не было при себе: свою сумку я оставила в библиотеке, заняв себе место. Думала, всё будет быстро. Зайду, проверю показатели приборов и сразу уйду, чтобы ненароком не дестабилизировать потоки. Кто же знал, что он не спит, да ещё и не в себе...

Когда, наконец, все ушли, пожелав Дрейку спокойной ночи и погасив в палате свет, я не стала дожидаться, когда он снова откроет дверь в ванную комнату, и вышла первой. Он усаживался на кровати, поправляя подушку за спиной.

— Мне пора, — сказала я тихо. — Рик... мистер Рикард должен меня забрать.

— Рик? — Дрейк не изменился в лице, но согнул ноги и опёрся о колени локтями. — Подожди, расскажи толком, что произошло за то время, что я был в отключке.

Я бросила опасливый взгляд на входную дверь, но всё-таки села на краешек кровати.

— Аркейна взяли под стражу, он сейчас находится под домашним арестом. У него изъяли все артефакты, но он предусмотрел подобный исход событий, и у него почти ничего не нашли: ни при себе, ни в его доме. Рикард говорит, что ему сейчас не будет выдвинуто серьёзных обвинений, чтобы не спугнуть остальных участников синдиката... или что-то такое, я не очень в этом понимаю.

Дрейк медленно кивнул.

— Он сам в порядке?

— Да, были небольшие травмы, но у него нет проблем с регенерацией, так что...

— А ты?

— Я?..

— Да, ты говорила, тебя перевели из академии сюда. Значит, ты больше не под защитой её стен.

— А, это... — я смутилась. — Да, мне пришлось выселиться.

— Лечебница имеет своё общежитие? Там есть охрана?

Я покачала головой.

— Нет, курсанты получают небольшую зарплату и сами обеспечивают себе жильё. Мне предлагали сменить личность, чтобы люди, связанные с Аркейном, не могли меня найти, но я

отказалась, потому что это означало бы не только сменить имя и внешность, но также город или даже переехать в другой мир... Я бы не смогла продолжать заниматься проектом профессора Клауриса и хирургией потоков.

Дрейк слушал молча, а я всё больше смущалась. И от его близости — и от того, что должна была ему сказать. Потому что, если не от меня, он всё равно узнает от кого-то другого. И я осторожно продолжила:

— Рикард предложил альтернативу. Я буду под его присмотром до тех пор, пока дело Аркейна и “псов” не будет закрыто. Поэтому я временно живу у него, он доводит меня до лечебницы, а вечером забирает обратно. Ещё у меня кольцо, — я подняла руку, показывая артефакт, подаренный мне Рикардом. — Оно не позволяет меня отследить простыми плетениями и позволяет полиции в любой момент узнать моё местоположение.

И поэтому мне стоило поторопиться. Не дождавшись в библиотеке, Рикард мог отследить меня с помощью кольца и обнаружить здесь. Это было бы... неловко.

Дрейк молчал, глядя прямо перед собой.

— Он отдал мне спальню в полное распоряжение, — зачем-то решила добавить я. — А сам спит на диване в гостиной. Я хотела отказаться, но тогда пришлось бы жить с каким-то чужим полицейским, а Рикарда я хотя бы знаю, так что...

Дрейк молчал так долго, что я начала жалеть о каждом произнесённом слове. Его лицо оставалось неподвижным, но я заметила, как побелели костяшки пальцев сжатого кулака.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Вы... ничего не имеете против?

— Я доверяю брату. Он хороший офицер, и если ты будешь его слушаться, то опасности никакой нет.

— Поняла, — неловко ответила я и отвела взгляд.

— Лейла.

Я вздрогнула.

— М?

— Ты ведь знаешь, что он рассматривает тебя как женщину?

Я открыла рот и закрыла его обратно. Потом снова открыла.

— Я... он... мы не...

— Я не спрашиваю, что между вами было, — перебил Дрейк. — Мой вопрос: осознаёшь ли ты ситуацию, в которой оказалась?

Я молча кивнула, глядя в пол.

— Хорошо. Тогда запомни: что бы ни произошло между тобой и Риком — это твой выбор. Я больше не собираюсь принимать решения за тебя. Но, Лейла.

Его голос изменился, и я снова подняла на него взгляд.

— Я сказал тебе то, что должен был. Надеюсь, ты меня услышала.

Он откинулся на подушку и прикрыл глаза, словно этот разговор отнял у него последние силы. Я поспешно поднялась на ноги.

— Вам нужно отдыхать, куратор. Надеюсь, скоро вам разрешат посещения, и тогда я принесу вам что-нибудь вкусное. А этот разговор... думаю, нам стоит его отложить до того времени, когда вас отключат от препаратов. Давайте сделаем вид, что его не было? Тем более, что меня здесь действительно не должно было быть.

Он приоткрыл один глаз, и — я клянусь! — в уголке его губ промелькнула усмешка.

— Если тебе так будет проще.

Глава 4

Лейла Мариотт

В библиотеку я вернулась в смешанных чувствах. С одной стороны, мне было так легко и радостно от того, что Дрейк сказал заветное “тебя”, что бы оно ни значило. С другой стороны, мне всё ещё было слишком страшно позволить себе это сближение. Я опасалась, что снова стану причиной его смерти. Что снова стану семенем раздора. Что снова всё обрушится, как только я перестану держать оборону.

Я села за стол и попыталась углубиться в чтение книги, которую взяла перед тем, как идти “на дело”, но тут рядом со мной вырос незнакомый мне офицер в таком же чёрном мундире, какие носили Рик с Дрейком. На груди у него была такая же эмблема клана Саргон в виде полыхающего пламени.

— Мисс Мариотт? — обратился он, я и медленно подняла на него взгляд. Передо мной был типичный огненный дракон с коротко выбритым виском с одной стороны, совершенно рыжий и весь в веснушках на бледной коже.

— С кем имею честь? — осторожно ответила я, закрывая книгу.

— Офицер Брайан к вашим услугам. Мне приказано доставить вас домой и охранять до особого распоряжения.

— Простите? — я чуть склонила голову. — А где офицер Рикард?

— Не могу знать, мисс. В его отсутствие я — ваш телохранитель, мисс.

Та-ак, вот это новости.

Я вытащила из своей сумки вещатель, но никаких новых сообщений не обнаружила. Если бы у Рика изменились планы, он наверняка бы меня предупредил.

А что если этот офицер на самом деле человек Аркейна? Один раз я уже допустила роковую ошибку и ушла с мужчиной, которого совершенно не знала. Всё кончилось печально, и второй раз попадаться на ту же удочку не собиралась.

— Как я могу быть уверена, что вы действительно приставлены ко мне для охраны?

— Ваше кольцо, мисс. У меня есть доступ к его местоположению.

С этими словами он достал свой именной жетон и поднёс его к моей руке. Потом несколько раз повернул в разные стороны, демонстрируя, что небольшое белое пятнышко послушно разворачивается точно к моему кольцу.

— Позвольте ваш жетон на минуту, — попросила я, после чего взяла его в руки и сощурилась, рассматривая оттиск ауры. Не то чтобы я могла полностью сравнить его с аурой офицера, но некоторые основные точки, стихии, их распределение — вполне. Убедившись, что всё совпадает, кивнула: — Хорошо. Мне нужно только забрать верхнюю одежду из комнаты отдыха.

Брайан был немногословен. Он молча сопровождал меня в комнату отдыха, а потом повёл вниз, во двор, который замело мокрым, липким снегом.

— Мобиль? — удивилась я, когда он распахнул передо мной дверцу. — Разве вам не положено перемещаться на крыльях?

— Обычно — да. Но сейчас я всего лишь сопровождающий.

— Я бы предпочла сесть на переднее сидение. Сзади меня укачивает.

— Нельзя, мисс Мариотт. Сзади вам будет безопаснее.

Я хмыкнула, садясь на заднее сидение, и задумалась. Если Брайан сейчас со мной как на особом задании, то почему Рикард не может быть таким же сопровождающим и не ходить на службу в рабочее время? А главное, где он так задержался, что ко мне направили кого-то совершенно незнакомого?

Но Брайан не отвечал на мои вопросы, ограничиваясь только многозначительным “не могу знать” и “не велено говорить”.

По дороге домой я почти уснула. Почти — потому что мешали спазмы в желудке, который всеми силами намекал, что нужно чаще вспоминать про еду. Вместо ужина я занималась тем, что пересобирала плетение охранного жетона, а потом...

Жетон!

Я вдруг вспомнила, что давно не нащупывала его у себя на груди и стала водить пальцами по шее в поисках цепочки, на которой висел артефакт. Но её не было на месте. Нахмурившись, я начала перебирать в памяти события: вот я подошла к палате, вот приложила жетон... да, он был у меня в руке, я сняла его с шеи. Вошла в палату, подошла к Дрейку...

А обратно я его повесила?

Скорее всего, нет.

Скорее всего, я так и держала его зажатым в руке или положила на кровать рядом с собой — и напрочь забыла о нём, когда Дрейк перестал притворяться спящим.

Кровь снова прилила к моим щекам: одновременно от воспоминания о поцелуе и от мысли о том, что кто-то найдёт мой импровизированный ключ-артефакт. И единственное, что я могла сделать — это вернуться в палату Дрейка утром и попытаться найти свою пропажу.

Скоро мобиль остановился рядом с башней, в которой располагались апартаменты Рика. Брайан поднялся со мной, а когда мы дошли до двери, открыл её своим ключом и вошёл вместе со мной.

— Простите, вы будете и здесь меня охранять? — уточнила я, расстёгивая своё пальто.

— Так точно, мисс. До тех пор, пока меня не сменит на посту офицер Рикард.

— А когда он вас сменит?

— Не могу знать.

Я закатала глаза, разулась и прошла в зону кухни, чтобы найти что-нибудь съедобное в этом доме. Брайан последовал за мной и остановился в паре шагов от меня, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди.

— А если он вообще сегодня не вернётся? — бросила я через плечо, доставая из холодильника мясо и свежие овощи.

— Значит, останусь с вами до завтра.

— А если и завтра не вернётся?

— Я буду продолжать нести службу столько, сколько потребуется.

Мне осталось только вскинуть брови и покачать головой.

— Ужинать будете, офицер?

Он помедлил.

— А можно?

— Если у вас будет урчать в животе всю ночь, мне придётся подать жалобу. Я, знаете ли, очень чутко сплю. А с моей текущей нагрузкой мне нужен полноценный сон.

— В таком случае, я с радостью составлю вам компанию.

— Тогда берите нож и начинайте резать мясо. Вы же не думаете, что будете ужинать бесплатно? Нет уж, отработайте!

Раздав указания, я ушла в спальню, чтобы переодеться в домашнее платье и не запачкать случайно форму лечебницы. Потом взяла свою сумку и выложила из неё на кровать толстую книгу, которую забрала из библиотеки. “Магические метки и следы, издание третье, дополненное”. Переодевшись, я села на край кровати и начала листать книгу с той страницы, на которой остановилась, внимательно рассматривая каждую картинку. И так увлеклась, что даже не заметила, как со стороны кухни через щель под дверью до меня дотянулся аромат поджаренного мяса.

— Вы неплохо справились, — похвалила я, наблюдая за тем, как огненный дракон ловко орудует сковородой и лопаткой.

— Я в прошлом был поваром несколько лет. Умею кое-что.

— Что ж, даже если по ночам у вас урчит в животе, я подумаю, прежде чем подавать жалобу, — улыбнулась я и стала доставать посуду.

Улыбка задержалась на моих губах, а на душе скребли кошки. Он всё делал не так. Не туда ставил приборы, не в той очерёдности добавлял ингредиенты. Нет, мне не было дела до таких мелочей, но определённый порядок в доме соблюдал не только Дрейк, но и Рик — и попав в эту квартиру, я сразу почувствовала себя, как дома.

Поэтому, когда Брайан закончил, я расставила всё по своим местам — и только после этого выдохнула. Как будто здесь и не было чужого человека...

— Офицер, — произнесла я, разливая чай по чашкам. — Я очень вас прошу, если вы что-то знаете о том, почему Рикарда нет и когда он вернётся...

Он с усталым вздохом покачал головой:

— Мисс Мариотт. Я ведь уже много раз вам говорил: мне ничего об этом не известно. Скорее всего, ему пришлось задержаться на задании. Такое бывает.

— Почему не предупредил? У меня есть вещатель, так что...

— На задание нельзя брать именные артефакты. Если что-то пойдёт не так и артефакт попадёт в руки преступника, он сможет воспользоваться ситуацией, понимаете?

— То есть, что-то может пойти не так?

— В нашей профессии есть доля риска.

— Значит, если он не отвечает, то никто не знает, где он?

— Мисс Мариотт, мне не сообщили. Он, может, вообще просто взял отгул, чтобы заняться какими-то своими личными делами — мне-то откуда знать!

— Как... отгул...

Я медленно положила свою ложку и отвела взгляд в сторону. Такая мысль мне в голову не приходила. Что он говорил утром про одинокого волка и женщин, которых теперь не может водить к себе домой? Тогда я не придавала значения этим словам, но теперь...

— Займитесь своими делами, мисс Мариотт, — сказал офицер. — И ложитесь спать. Возможно, он вернётся ночью.

— Да... конечно.

Он не вернулся.

Ни вечером. Ни ночью. Ни утром.

Я едва ли проспала часа три за всю ночь, потому что то и дело просыпалась от дурных снов и, чтобы отвлечься, начинала листать справочник по меткам.

Один из снов был особенно ярким.

В нём был Рик. Я даже почувствовала его характерный аромат, узнала значок на мундире, шрам на переносице. А вокруг было темно и сыро. И холодно. Так холодно, что ему приходилось стискивать зубы, чтобы они не стучали.

И вдруг какие-то крики, люди повыбежали кто откуда. Рик кувыркнулся, резким ударом ноги повалил кого-то на землю и выпустил незнакомое мне плетение. Потом так же резко отбил удар огромного тяжёлого весла, которым его со всего размаху хотели ударить по голове. Весло треснуло и отлетело в сторону.

Кто-то налетел на него сбоку. Рик развернулся, перехватил руку нападавшего и швырнул его через себя, но в этот момент третий — я не видела откуда — ударил его чем-то коротким и тускло блеснувшим. Прямо в бок, под рёбра.

Рик дёрнулся и отшатнулся. Его рука прижалась к боку, а между пальцами проступило тёмное пятно. Даже во сне я знала, что это кровь. Но он не упал. Развернулся, выбросил кулак

вперёд, и тот отлетел назад, ударившись спиной о что-то деревянное, а клинок со звоном упал на мостовую.

А потом я увидела глаза Рика. Они были преисполнены жидкого серебра, а зрачки вытянулись в две узкие щёлки — и я поняла, что он был готов вот-вот обернуться, но не мог. Слишком было тесно, слишком много стен и людей вокруг. Крылья не расправить.

Я хотела крикнуть, предупредить, помочь, но не могла ни двинуться, ни издать звука. Только наблюдала за тем, как он прижимает руку к ране и стискивает зубы, а кровь течёт между пальцев.

Я проснулась, рывком сев на кровати. Сердце колотилось так, что его стук отдавался в горле. Это был просто сон, но отчего-то на губах всё ещё стоял привкус крови.

Больше я уснуть не смогла.

Тихо вышла из спальни, посмотрела на диван. Брайан, который обещал не спать, посапывал, закинув голову на подлокотник. Мне оставалось только вернуться к себе и продолжить изучать справочник, пока не пришло время собираться и возвращаться в лечебницу.

Глава 5

Лейла Мариотт

Мне было не привыкать не спать ночами. Дрейк сильно меня ругал за это, но ещё в академии драконов я то и дело училась до рассвета, потом спала до самого последнего момента, чтобы успеть только добежать до учебного корпуса и войти в аудиторию.

Так что теперь, даже после почти бессонной ночи, я села за свой стол в полной собранности и готовности воспринимать материал. Одно только было не так, как обычно: я то и дело поглядывала в сторону окна, надеясь увидеть там чёрного дракона... как будто, кроме Рика с Дрейком, в этом городе не было ни единого Артаса.

— Новенькая, — сокурсник, который пытался заговорить со мной вчера, склонился над моим столом, опершись о него локтями, и заглянул мне в глаза. — Так ты у нас большая шишка?

— И тебе доброе утро, — сухо ответила я, возвращаясь взглядом к учебнику по анатомии.

— Уже лучше, — усмехнулся он. — Сегодня ты хотя бы не угрожаешь меня убить.

Я всё-таки подняла взгляд.

Он выглядел так, будто только что сошёл с обложки какого-нибудь журнала для богатых наследниц: волосы уложены небрежно, но явно намеренно, ворот форменной рубашки расстёгнут на одну пуговицу больше, чем требовал устав, а на губах — обаятельная улыбка, которая не предвещала ничего хорошего.

— Что тебе нужно, Арес?

Он оттолкнулся от стола и неожиданно сел прямо на его край, разворачиваясь ко мне всем корпусом. При этом его ноги были демонстративно расставлены пошире. Благо хоть, на нём были форменные брюки прямого кроя из плотной ткани, так что ничего таким образом подчеркнуть он не смог.

— Решил, что вчера мы слишком быстро закончили знакомство.

— Мы его не начинали.

— Тем интереснее, — хмыкнул он.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах чуть дольше, чем следовало, и мне это сразу не понравилось. Было в этом взгляде что-то оценивающее, будто он примерялся к будущему трофею. Этот взгляд был мне хорошо знаком: именно так на меня смотрели драконы, почувствовав во мне невинность.

— Ты всегда такая недовольная по утрам? — спросил он, отодвигая в сторону мой учебник. — Не выпалась? Кто-то не давал тебе спать?

Я молча потянулась к книге, но он перехватил её раньше, двумя пальцами закрыв страницу.

— Слушай, — сказал он уже чуть тише, — я вчера видел, как за тобой приехал офицер. Чёрный мундир, хорошая выправка, дорогой мобиль. Не похоже на обычного провожатого. Кто он тебе?

— Тебя это не касается.

— Ошибаешься. Меня касается всё, что связано с такой красивой девушкой, как ты.

Я бросила на него взгляд исподлобья.

— Это что, твоё хобби? Следить за любой появившейся рядом девушкой?

— Я бы выразился иначе. Моё хобби — коллекционировать интересные знакомства. А ты мне показалась очень любопытной.

— Тогда вынуждена тебя разочаровать, — сухо сказала я. — Я не пополню твою коллекцию.

Он чуть сощурился, повёл губами и склонил голову на бок:

— Это мы ещё посмотрим. Ты, наверное, ещё не знаешь, что мы с тобой будем теперь проводить очень много времени вместе.

— В каком это смысле?

Ответить он не успел, потому что в учебную комнату вошла миссис Дейдра и, грузно опустив стопку толстых книг на один из столов, обратилась к Аресу:

— Мистер Лайт, вы снова путаете учебную аудиторию с гостиной?

Арес лениво соскользнул со стола.

— Ни в коем случае, миссис Дейдра. Я лишь помогал мисс Мариотт адаптироваться.

— В таком случае, адаптируйтесь на своё место.

Он отошёл, но, проходя мимо, наклонился ко мне и тихо бросил:

— Продолжим позже, мисс Мариотт.

Я только проводила его взглядом, когда он плюхнулся на своё место и, откинувшись к спинке стула, открыл учебник по анатомии.

Вот зараза, будет теперь мешаться под ногами. Цокнув языком, я покачала головой и тоже открыла учебник на странице, которую назвала миссис Дейдра.

— Итак, продолжим тему сердечно-сосудистой системы, — объявила она. — Кто может сказать, почему при острой недостаточности левого желудочка в первую очередь страдают лёгкие, а не остальные органы?

В аудитории повисла тишина.

Я не успела в достаточной мере подготовиться и, хотя читала заданную на дом главу, никак не могла сообразить, о чём вопрос. Дракон и драконица по левую руку от меня лихорадочно листали тетрадь, а Арес, покачиваясь на стуле, ответил:

— Потому что левый желудочек выбрасывает кровь в большой круг кровообращения, а при его острой слабости кровь начинает застаиваться перед ним — в левом предсердии и дальше в лёгочных венах. Из-за повышения гидростатического давления плазма выходит в ткань лёгких и альвеолы, вызывая отёк.

Миссис Дейдра медленно повернулась к нему.

— Продолжайте, мистер Лайт.

Он закинул руки за голову и продолжил:

— Поэтому клинически это сначала проявляется одышкой, влажными хрипами и снижением насыщения кислородом, а не, например, болями в ногах или нарушением работы печени. Остальные органы страдают позже, когда падает сердечный выброс.

— Мистер Логан, мисс Эвери? — наставница обернулась к драконам. — Вы должны были изучить эту главу ещё на прошлой неделе. В чём дело?

— В том, что мы не можем запомнить всё с первого взгляда, в отличие от некоторых, — мрачно ответила драконица.

— Однако, этот курс — ваш шанс переобучиться, и вы должны держаться за него, исправно работая над материалом. Или поступайте в академию базовой магии и начинайте всё с начала в том темпе, который вам комфортен.

Оба дракона насупленно замолчали. Они не привыкли к такой плотности материала, ведь драконы дольше учились и в школе, и в коллегии, а зачастую и в академии, проходя один и тот же курс по несколько раз. Зато вот Арес чувствовал себя прекрасно и даже зевал, пока наставница не начала лекцию.

— Итак, — миссис Дейдра неторопливо прошла вдоль ряда. — Именно поэтому при левожелудочковой недостаточности одной из первых угроз становится отёк лёгких. — Она сделала короткую паузу и добавила: — Мистер Лайт, в следующий раз хотя бы сделайте вид, что задумались, чтобы не лишать остальных слушателей курса учебного процесса.

— Так точно, миледи, — козырнул Арес в ответ.

— Хорошо, продолжим. Тема сегодняшнего занятия...
Вот зараза.

Я начала быстро писать под диктовку миссис Дейдры, но то и дело косила взглядом на Ареса. Судя по всему, этот парень обладал феноменальной памятью, и обучение даже на этом курсе не представляло для него никакого труда, оставляя время и силы на то, чтобы мешать остальным. Мне-то окружающие завидовали из-за способности быстро усваивать информацию, но мои возможности с ним и рядом не стояли. Это раздражало. Он не старался даже записывать то, что рассказывала наставница, и просто медленно листал учебник, покачиваясь на стуле.

— Обратите внимание на иллюстрацию на странице девяносто три и попытайтесь определить главные отличия между изображёнными системами, — проговорила миссис Дейдра, и я поспешно перелистнула страницу. На иллюстрации была изображена схема кровеносной системы человека, рядом — дракона, керри, горгуля и нимфы.

И чем внимательнее я присматривалась, тем сильнее плыло перед глазами. Сердце заби-лось чаще, дышать стало сложнее.

— Нет, мистер Лайт, помолчите.

Что-то внутри меня изменилось. То ли просто стало плохо, то ли...

Запах металла и табака.

И чего-то ещё.

Крови.

— Миссис Дейдра, я выйду на минуту.

— Не спрашивайте, мисс Мариотт. Если вам нужно просто выходите. Да, мисс Эвери, у вас есть ответ?

Я торопливо встала и чуть не бегом покинула учебную комнату.

Сердце продолжало биться сильнее обычного. Запах Рика буквально ударил в ноздри, хотя в коридоре его не было. Мимо проходила только простая санитарка с ведром и шваброй.

Но что-то потянуло меня дальше, вдоль по коридору, мимо огромного окна в витражах, по лестнице на два этажа выше. Я знала, куда шла, и ноги несли меня прямо в отделение хирургии. От этого на спине проступил холодный, липкий пот.

Я остановилась прямо перед кабинетом с табличкой “перевязочная 3” и замерла, не зная, что теперь делать.

Из-за двери доносился голос Рика.

Рикард Артас

— Ну что, ты домой? — Оливер хлопнул меня по плечу, проходя мимо. Я подал ему готовый отчёт.

— Да если бы. Доктор вызывает, какие-то новости по Дрейку.

— Неужто в себя пришёл?

— Хорошо бы, — хмыкнул я, поднялся на ноги и попытался потянуться, но резкая боль в небрежно зашитой ране тут же заставила поморщиться и согнуться.

— Тебе бы поспать, — сочувственно заметил Оливер, скрепляя отчёты металлическими скобами. — Теперь не быстро заживёт.

— Потом посплю, — усмехнулся я и глянул на вещатель.

Ни одного сообщения от Лейлы за всю ночь. Она что, вообще не волновалась за меня? Не то чтобы я так сильно ждал, но всё же...

— О, Брайан, доброе утро. Как смена?

— Пожрал, поспал, — хмыкнул рыжий и по очереди пожал руки всем присутствующим.

— Как она? — спросил я, сжав его ладонь крепче, чем следовало. Брайан замер, посмотрев мне в глаза.

— Я всё сделал, как надо. Забрал, доставил, был с ней до утра, довёз до лечебницы. Что могло пойти не так? Самое скучное задание в моей жизни.

Я нехотя отпустил его руку.

— Она ничего не спрашивала? — бросил я как бы между прочим, но, судя по тому, как Брайан чуть приподнял бровь, небрежности в голосе мне не хватило.

Он усмехнулся и опёрся бедром о край стола.

— Спрашивала. Много. Где ты, почему не вернулся, почему не предупредил. Сначала допрашивала меня, как на внутреннем расследовании, потом, кажется, решила, что ты просто загулял.

Оливер тихо хмыкнул у себя за бумагами, а я невольно стиснул челюсть.

— И что ты ответил?

— То, что велено, — пожал плечами Брайан. — “Не могу знать”, “служебная необходимость”, “возможна задержка на задании”. Она, кстати, не особо поверила. Мне кажется, твоя подопечная решила, что ты взял отгул и пошёл по бабам.

— Это ты её навёл на такую идею?

— Я сказал только, что не знаю, где ты, а вывод она сделала сама, — Брайан поднял обе руки, демонстрируя тем самым свою полную непричастность, хотя мне в неё слабо верилось. — Кстати, где ты был? Я думал, уж к утру-то вернёшься.

— У них оказался информатор, всё слили, — поморщился я. — Встречу перенесли на другое место и время, но менять оперативную группу было уже поздно.

— Ранен?

— Жить буду.

Брайан помолчал мгновение, потом вздохнул и, положив руку мне на плечо, чуть понизил голос. Хотя в этом не было смысла, в кабинете всем всё было слышно из любого его конца.

— Слушай, не злись, — сказал он серьёзно. — Откуда мне было знать, что её это всё так заденет. Знал бы — сказал бы, что ты погряз в бумагах.

— Не сильно далеко от правды, кстати, — заметил Оливер с противоположного конца кабинета.

— Не заденет, — ответил я и взял со спинки стула свой мундир. — Она вообще не из тех, кого можно так легко задеть. Кремень, а не девушка.

— Ну да, — Брайан хохотнул. — Она заставила меня готовить ужин. А потом переложила все предметы на кухне так, будто я нарушил какой-то священный порядок. Она Дрейку точно не родственница?

— Скажем так, они знакомы.

— Ну-ну, — он снова усмехнулся, а потом посерьёзnel: — Ночью спала плохо. Выходила несколько раз, книгу листала до самого рассвета. И... знаешь, мне кажется, она действительно переживала за тебя. Ты бы ей восточку кинул, что ли.

Последние слова прозвучали почти буднично, но у меня внутри приятно дрогнуло.

Значит, всё-таки волновалась.

— Спасибо, — коротко сказал я и убрал вещатель в карман мундира. — Ладно, парни, мне пора. Всем хорошей смены!

Я вышел из полицейского участка и, достав сигарету, сделал длинную, медленную затяжку. Сутки не было возможности закурить: перед операцией нельзя, во время — тоже, а после я слишком торопился закончить с бумагами, надеясь вернуться до того, как Лейла покинет дом.

Не вышло.

Табачным дым неприятно прошёлся по лёгким. Сплюнув, я затушил сигарету о стену и выбросил её в мусорный бак возле входа в отделение.

Надо бросать эту дрянь.

Я поднял ворот мундира, прячась от колючего утреннего ветра, и медленно выдохнул. Город ещё только просыпался: по мостовой тянулись первые мобили, в окнах напротив зажегся тёплый жёлтый свет, а у меня в голове всё ещё крутились слова Брайана.

“Действительно переживала за тебя.”

Вот ведь зараза.

Я ведь специально ничего не писал. Хотел сначала закончить дело, потом разобраться с раной, потом заехать домой, отоспаться пару часов и уже в человеческом виде появиться перед Лейлой, а не с запахом крови и рыбы на одежде. А в итоге получилось только хуже.

Вещатель в кармане показался вдруг слишком тяжёлым. Я вытащил его, открыл список контактов и задержал палец над её именем.

Что я вообще должен написать?

“Жив. Не переживай.”

Слишком сухо.

“Прости, задержался.”

Ещё хуже. Как будто действительно был у какой-нибудь девицы.

Я выругался сквозь зубы и пошёл на площадь, где под знаком с изображением крыла стояло несколько мобилей такси. К счастью, время было ещё раннее, так что очереди не оказалось. Поэтому, стараясь не сильно хромать, я подошёл к ближайшему и, распахнув дверцу, сел на заднее сидение.

— Центральная лечебница, главный вход, — бросил я, поморщившись от боли.

Мобиль мягко дёрнулся с места и покатил по ещё полупустым улицам Пантарэи. За окном тянулись мокрые после ночного снега мостовые, редкие прохожие кутались в пальто и плащи, а я, откинувшись на спинку сиденья, всё-таки снова достал вещатель.

Палец завис над её именем.

В Бездну.

“Жив. Еду в лечебницу. Не паникуй.”

Перечитал сообщение и поморщился.

Звучало почти как приказ.

Стерев, начертал заново:

“Ночь затянулась. Я в порядке. Скоро увидимся.”

Я откинулся на спинку и прикрыл глаза, надеясь хоть несколько минут не двигаться. Бок отозвался глухой ноющей болью, а каналы продолжали потихоньку сцеживать силу — медленно, равномерно, как песок сквозь пальцы. Сама рана — ерунда, царапина. Её зашили ещё на рассвете. Хуже было повреждение каналов, из-за чего началась утечка. И мне оставалось только надеяться, что Дрейку из-за этого не стало хуже.

Бездново дно. Мне ведь не сообщили, почему вызвали. Что если его состояние ухудшилось, и этот придурок при смерти?

Я поморщился и повернул голову на бок, надеясь немного вздремнуть. Думать о смерти бессмысленно. Она либо случится, либо нет — и теперь уже было поздно о ней переживать.

Мобиль остановился перед главным входом лечебницы. Отдав один золотой и отмахнувшись от сдачи, я осторожно вылез из машины и медленно выпрямился. Обезболивание давно прекратило своё действие, а продлить его своими силами я не рисковал, чтобы не довести себя до магического истощения. К счастью, в лечебнице должен был найтись кто-нибудь, кто смог бы мне помочь.

Но сначала нужно было узнать, что с Дрейком.

Я толкнул тяжёлую стеклянную дверь и шагнул в холл. После уличного холода тепло ударило в лицо, как из печи, и бок сразу отозвался резкой пульсацией. Я стиснул зубы и расстегнул верхнюю пуговицу мундира, чтобы хоть немного облегчить состояние.

В холле пахло антисептиком, лечебными травами и дурацкой смесью крови, лекарств, страха и надежды. Я невольно поморщился. Никогда не любил это место. Слишком много раз приходил сюда, чтобы опознать тело или забрать раненого напарника, и каждый раз в нос бил этот душный, тяжёлый запах.

— Андреас Артас, — сказал я девушке за стойкой. — Доброе утро, Мелинда.

— Доброе, — улыбнулась она. — Мог бы и не представляться, я тебя и так в лицо знаю. — Девушка протянула мне пропуск. — Поднимайся на третий этаж, потом налево в реанимационное отделение. Доктор Вейр сейчас должен быть в комнате отдыха.

— Спасибо, красавица, — улыбнулся я и опёрся о стойку, склонившись к девушке. — А не знаешь, где мне найти экстернальный высший медицинский курс?

— Экстернальный? — удивилась девушка и, встав со стула, взяла какую-то громоздкую, растрёпанную тетрадь. Пробежалась по ней взглядом. — У них сегодня утром лекция, а после обеда парная практика. Почему ты спрашиваешь?

Я лениво повёл плечом, будто вопрос был случайным, и позволил себе улыбку, на которую обычно легко велись свидетели, дежурные и слишком любопытные секретари.

— Да так. Хотел убедиться, что одна упрямая курсантка добралась до места и не вздумала снова заняться самодеятельностью.

Что-то мне подсказывало, что шило в мягком месте моей подопечной не дало ей спокойно отзаниматься свой первый день. А интуиция меня редко подводила. Это было... профессиональное.

— Сестра? — Мелинда тоже склонилась над стойкой, и теперь посматривала на меня, переводя взгляд то на глаза, то на губы. — Кажется, ты говорил, что она должна была переехать в столицу.

Когда это я ей такое говорил? Наверное, был под действием каких-нибудь сильных препаратов, потому что ничего подобного у меня в памяти вообще не сохранилось.

— Подопечная, — ответил я, с любопытством наблюдая, что Мелинда сделает дальше.

— Ты её арестовал? За что?

— Стащила чемоданчик с серентином из хранилища академии. Присматриваю время от времени, когда оказываюсь рядом, чтобы не сбилась с правильного пути.

— Что, родители откупились? — понимающе покивала Мелинда. — И устроили к нам в лечебницу. Наверное, у неё хороший потенциал. Ты молодец, что помогаешь сбившейся с пути молодёжи.

Я едва удержался от смеха: это бы не только разрушило всю легенду, но ещё и заставило бы меня согнуться от боли.

— Помогаю по мере сил, — я хмыкнул и постучал пальцами по стойке. — Так что, проводишь меня до доктора Вейра, или я должен сам искать комнату отдыха в этом лабиринте?

— Тебе ли не знать дорогу, — Мелинда лукаво прищурилась. — Ты у нас тут чаще, чем некоторые штатные сотрудники.

— И всё-таки.

Она вздохнула с напускной обречённостью, окинула взглядом пустой холл и крикнула в сторону подсобного помещения:

— Илона, прикрой меня минут на десять!

Откуда-то из-за двери донеслось невнятное согласие. Мелинда подхватила со стола связку ключей, вышла из-за стойки и оправила шёлковое платье, тщательно разгладив ладонью невидимые складки на бёдрах. Я не стал делать вид, что не заметил. А она не стала делать вид, что не обратила внимание на мой взгляд, и кокетливо посмотрела на меня снизу вверх.

— Идём, провожу. Только потом не говори, что я тебя не предупреждала: доктор Вейр сегодня в дурном настроении. Всю ночь не спал.

— О, мне ли не понять, — я пошёл рядом с ней, стараясь, чтобы хромота не бросалась в глаза. — Тоже глаз на сомкнул.

— Дежурство? От тебя пахнет кровью.

— Царапина, — отмахнулся я. — Уже всё зашили.

— Знаю я, как вас там зашивают, — фыркнула Мелинда. — Я хоть и не доктор, но медицинский курс прошла, и зашиваю лучше, чем ваш костоправ.

— Вот как, — я ухмыльнулся. — И часто практикуешься?

— На таких, как ты, — постоянно. Каждую неделю кто-нибудь из ваших припирается с “царапиной”, от которой потом полгода рубец остаётся. Пойдём, гляну, что там у тебя. Наверху найдётся какая-нибудь свободная перевязочная.

— А как же доктор Вейр?

— Вейр подождёт. Если ты сейчас зайдёшь к нему вот в таком виде, он первым делом отправит тебя на перевязку, и ты потеряешь лишний час в очереди. А я тебя за десять минут приведу в порядок, и пойдёшь по своим делам, как нормальный дракон, а не как полудохлая курица.

— Полудохлая курица, — повторил я с притворным возмущением. — Ты в курсе, что разговариваешь с офицером при исполнении?

— При исполнении ты был ночью, — Мелинда обернулась через плечо и обожгла меня взглядом. — А сейчас ты пациент. И будешь делать то, что я скажу.

Я вздохнул:

— Слушаюсь, миледи.

Она фыркнула, но видно было, что осталась довольна результатом. Мелинда всегда любила, когда я ей подыгрывал. У нас это была давняя игра — без последствий, без претензий, просто привычное перекидывание мячом, которым мы развлекались уже несколько месяцев, когда я заносил сюда раненых напарников. Всякий раз она намекала, всякий раз я отшучивался, и всякий раз мы оба знали, что стоит только сделать шаг — и намёки превратятся в совместную ночь. Меня это устраивало.

По крайней мере, устраивало раньше.

Сейчас, шагая за ней по коридору, я ловил себя на том, что её движения, её взгляды через плечо, покачивающиеся бёдра — всё это как-то не цепляло. Будто за оболочкой не было никакого содержимого. И даже если физически я вполне мог её представить в постели, то вряд ли мне бы захотелось после этого остаться с ней хотя бы до утра.

Днище.

Мелинда толкнула дверь перевязочной — небольшой комнатки с койкой, рабочим столиком, шкафчиком с инструментами и яркой магической лампой над всем этим.

— Раздевайся, — деловито бросила она через плечо, направляясь к шкафчику. — Мундир можешь повесить вот сюда. Рубашку снимай полностью, её всё равно только выкидывать.

Я бросил взгляд на рубашку. Она была чёрной, но дыру на животе было видно хорошо — как и тёмное расплывшееся пятно.

— Прямо совсем раздеваться? — с усмешкой уточнил я.

— Тебе что, нужна помощь? — Мелинда вскинула бровь, подошла и подцепила тонкими пальчиками мой ремень. — А то я могу.

Я тихо усмехнулся и перехватил её запястье прежде, чем она успела расстегнуть ремень.

— Мелинда, не так быстро, — протянул я с привычной лёгкостью. — Я, конечно, ценю рвение медицинского персонала, но давай хотя бы сделаем вид, что это исключительно в лечебных целях.

Она посмотрела на мою руку на своём запястье, потом медленно подняла взгляд на мои глаза и улыбнулась — уже не дежурно, а почти хищно.

— А если я скажу, что исключительно в них?

— Тогда я, пожалуй, начну уважать местную медицину ещё больше.

Мелинда тихо рассмеялась, но руку не отняла. Наоборот, чуть подалась ближе, так что меня снова окутал её сладковатый запах духов, перебивающий всё остальное.

— Садись, офицер, — сказала она уже мягче, толкнув меня на кушетку. — И не геройствуй.

Я всё-таки отпустил её руку, снял мундир и бросил его рядом. Потом, морщась, стянул через голову рубашку.

Её взгляд скользнул по моему боку, по тёмному пятну крови, проступившему сквозь бинт, потом по груди и плечам, и она покачала головой:

— Так я и думала, — пробормотала она уже совершенно серьёзно. — Это не царапина.

— Ты разбиваешь мне сердце.

— Тебе его ночью чуть не проткнули, а ты всё шутишь. Ладно, сцепи зубы, сейчас начну снимать повязку. Будет больно.

— Спасибо, что предупредила, — сквозь зубы выдохнул я. — А то я думал, от твоих пальчиков всё сразу пройдёт.

— Я немного обезболю, но с таким повреждением каналов это не сильно поможет.

— Ты и правда разбираешься в этом, — ухмыльнулся я.

— Надеюсь, через пару лет стану ассистентом в хирургии, — подмигнула Мелинда.

Она вернулась с подносом, на котором лежали инструменты, и осторожно коснулась повязки тёплыми пальцами.

Я сел на край кушетки и откинулся чуть назад, открыв ей пространство для работы.

— Кто тебя так? — спросила она, медленно разматывая бинт. Любое натяжение отзывалось тупой болью.

— Рыбаки. Не чувствуешь разве, как от меня рыбой несёт?

— От вашего брата чем только не несёт, — фыркнула она.

— Ладно, признаюсь, на самом деле это была акула. Решил поплавать в море среди ночи — и попался.

— Ага, до ближайшего морского побережья сутки на дирижабле.

— И тут попался, — с усмешкой выдохнул я, когда она потянула за повязку там, где последний слой бинта касался раны.

— О, великая Праматерь, — выдохнула Мелинда. — Вас там действительно шьют сапожными нитками!

— Я же говорил, у нас лучшие специалисты.

— У вас лучшие идиоты, — отрезала она и, взяв со столика ножницы, аккуратно подцепила край присохшего бинта.

Я стиснул зубы.

Боль прошла острой полосой под рёбрами.

— Терпи, — уже совсем другим тоном сказала Мелинда. Мягким, почти заботливым. — Сейчас будет неприятно. Нить серебряную или обычную хочешь?

— Да мне плевать, лишь бы срослось.

— Тогда серебро. Меньше шансов, что снова разойдётся при первой же глупости.

Я вскинул голову и уставился на лампу, от которой исходил ровный и плотный свет. Он заливал всю комнату, но не слепил глаза. Наверное, я был слишком уставшим, потому что смотреть на неё было неприятно, и мои веки сами собой опустились.

— Шов кривой, узлы слабые, — бормотала Мелинда. — У нас бы за такое к стенке поставили на сутки.

— Учту на будущее.

— На какое будущее? Ты же снова попрёшься в драку через неделю, и всё повторится. — Она потянулась за антисептиком и плеснула на ватный тампон.

— Ну, прости, работа такая.

— Работа такая, — передразнила Мелинда, прижигая рану чем-то с острым запахом спирта.

Холодное прикосновение к коже — и одновременно с ним, через стену, я услышал быстрые шаги в коридоре. Лёгкие, торопливые, не размеренные шаги санитарки или врача. Я открыл глаза.

Шаги остановились ровно у двери перевязочной. Замерли.

Я невольно подался вперёд, на уровне инстинкта догадываясь, что сейчас произойдёт.

— Кажется, у нас гости, — заметил я.

— Там горит табло “занято”, — ответила Мелинда, склонившись над моей раной.

А я не успел попросить её подняться на ноги и принять более однозначную позу, потому что в следующее мгновение дверь перевязочной резко распахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.